

Владимир Лещенко

ТОРНАН-ВАРВАР
И ЖЕЗЛ ТИАМАТ

Владимир Лещенко

Торнан-варвар и жезл Тиамат

«Автор»

2006

Лещенко В.

Торнан-варвар и жезл Тиамат / В. Лещенко — «Автор», 2006

Он – Торнан, хотя иногда его зовут просто – варвар. Опасный для врагов и верный друзьям. Храбрый и сильный, как медведь из лесов его далекой северной родины. Великодушный, как бог грома, которому поклоняется. На этот раз в компании воинственной амазонки и шамана с далеких океанских островов он отправляется на поиски величайшей реликвии этого мира – жезла богини Тиамат, необходимого для отражения начавшегося натиска сил Тьмы. Ему предстоит преодолеть дикие леса и неприступные горные хребты, бурные моря и пустыни. Его ожидают сражения с разбойниками и чудовищами, тюремные подвалы и застенки инквизиции. Сумеет ли он добыть священное сокровище? И так ли чисты намерения тех, кто посылает его в это опасное путешествие?

© Лещенко В., 2006

© Автор, 2006

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОВЕЛЕНИЕ БОГИНИ	5
Глава 1. ТАВЕРНА «КОРОЛЕВСКИЕ РОГА»	5
Глава 2. СУД ДА ДЕЛО	10
Глава 3. ВОЛЯ ТИАМАТ	13
Глава 4. ВОИН ХРАМА	24
Глава 5. ДНИ ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ	36
Глава 6. В ДОРОГУ	41
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. РЕКИ И ГОРОДА	47
Глава 7. НАЧАЛО ПУТИ	47
ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ	53
Глава 8. ПОДЗЕМЕЛЬЯ И ЧУДОВИЩА	54
ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ	64
Глава 9. ГОРОД ОБМАНА	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Владимир Лещенко

Торбан-варвар и жезл Тиамат

Посвящается Татьяне и Александре

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОВЕЛЕНИЕ БОГИНИ

*Всякое в этом рассказе найдешь,
Перепутаны правда и ложь,
Очень все это было давно,
Очевидцев уж нет все равно...*

Манас

Глава 1. ТАВЕРНА «КОРОЛЕВСКИЕ РОГА»

*Не следует искать черную пантеру в темных джунглях. В
особенности если она там есть.*

Калebas Кавунда, первый министр Стигии

Западный Предел Логрии.

Корг – столица одноименного королевства.

Храм Тиамат. Конец месяца кринна

Таверна, носящая название «Королевские рога», стояла на улице Трех Демонов, неподалеку от перекрестка с Волчьим переулком. Ее задний двор почти примыкал к месту, называемому Шэттов пустырь, а часть города, где она находилась уже почти восемь десятков лет, на всех планах отмечалась как Жагг, а в простонародье именовалась не иначе как Гнилой Угол.

Было это заведение не первой руки, но и не совсем убогое, напитки, еда и девочки там были вполне способны Удовлетворить вкус рядового горожанина. Одним словом, заведение было как заведение – не лучше и не хуже прочих.

На вывеске была изображена пара великолепных ветвящихся оленьих рогов, между которыми художник поместил аляповато намалеванную золотой краской корону. Название, надо сказать, было довольно двусмысленным – оно то ли простодушно подразумевало, что столь большие рога не стыдно подарить и королю, то ли тонко намекало, что иногда рогоносцами становятся и коронованные особы. Пожалуй, забреди сюда какой-нибудь судья, он бы, чего доброго, стал подумывать – не применить ли к владельцу сего заведения закон об оскорблении величества? Однако судьи на улицу Трех Демонов не заглядывали. Возможно потому, что среди местных обитателей было немало их клиентов...

Толстые каменные стены, арочные подпорки, глиняные масляные лампы на полках, дававшие достаточно света, чтобы какой-нибудь нагрузившийся пьянчужка сослепу не грохнулся на пол. Тяжелые потолочные балки нависали так низко, что рослый человек мог бы

достать их ладонью, не вставая на цыпочки. Несколько длинных столов со скамьями, квадратные столы поменьше, окруженные табуретами, диваны в нишах, закрытых тяжелыми занавесками, сейчас отдернутыми наполовину. Все основательное, сколоченное, что называется, на века.

В торце зала находилась стойка из истертого мрамора. За стойкой стоял и откровенно скучал худосочный парень лет двадцати, чью наполовину выбритую голову украшал искусно вытатуированный драконий череп в обрамлении жуков, а шею – кулон с синим прозрачным камнем, слишком большим, чтобы быть настоящим.

В этот поздний час народу в зале было немного. Несколько припозднившихся завсегдаев пили пиво, заедая красными креветками. Трое матросов с речных барж (о чем свидетельствовали синие шляпы, сбитые на затылки) играли в арские кости. Два старых солдата с медалями на ветхих кафтанах что-то вспоминали, негромко шамкая. Подгулявший приказчик в отороченном мехом красном казакине взирал на нераспечатанный кувшин вина, видимо, решая важнейшую проблему – прикончить его или ограничиться уже поглощенными? Сидели в зале несколько небогато одетых типов, по виду – завсегдатаи кабаков.

Еще один человек, облаченный в старую кожаную куртку с капюшоном, сейчас откинутым на плечи, сидел в одиночестве за столиком на двоих, вкушая тушеного кролика, к которому прилагалась большая кружка пива. Было ему лет тридцать или около того, облик выдавал в нем уроженца северо-восточных земель – анта, а может, итвака, одежда – воина, а неуловимое выражение лица – человека, знающего себе цену. Через плечо был перекинут форменный солдатский плащ. Он закрывал знаки различия, но опытный взгляд определил бы, что таверну посетил не рядовой солдат, и даже не капрал, а скорее сержант или – бери выше – фельдфебель.

Внезапно в эту идиллию был внесен диссонанс. Дверь таверны громко хлопнула, и, нарочито гулко топая по ступенькам, вниз спустились пятеро посетителей сразу. Точнее, четверо темных личностей при оружии, во главе которых выступал длинный худой тип с белыми волосами и недобрый, костлявый лицом. В ухе у него качалась серебряная серьга в виде полумесяца, правое запястье охватывал широкий, серебряный же браслет с шипами. Еще одна серьга была продета в ноздрю, но мало кто решился бы пошутить над этим – уж больно нехорошо смотрели его глаза.

Кости перестали греметь, и разговоры вдруг как-то сами собой умолкли, словно по таверне пробежал холодный, если не сказать ледяной, сквозняк. Придержали языки даже те из припозднившихся гостей, кто не знал, что за человек перешагнул порог «Королевских рогов».

А человека этого звали Бо, среди своих – Бо Скорняк. Кличка эта, надо сказать, была дана ему неспроста. Получил он ее не потому, что был скорняком сам, и даже не потому, что, скажем, его отец занимался этим почтенным ремеслом. Просто среди ночного люда столицы королевства Килльдар ходили слухи (которые сам Бо не спешил опровергать), будто бы из кожи своих жертв он любит вырезать ремни, и что таких ремней у него накопилась целая коллекция.

Но если посетители таверны просто напряглись, почувствовав себя вдруг неуютно, то устроившийся за стойкой парень просто побелел при их появлении. Губы его мелко затряслись, он было вытащил из-под стойки окованную старой корабельной медью дубинку, но при виде ухмылки Бо рука его словно сама собой разжалась, и дубинка выскользнула на пол, с костяным стуком покотившись по доскам.

Сам бандит остановился на середине зала, зато двое его подручных, размеренно шагая, продолжили движение. Подойдя к стойке, они разом потянулись к бледному, покрытому испариной подавальщику и выдернули его из-за стойки, как морковку из грядки. Потом, держа на весу, поднесли к атаману.

Тот, мерзко улыбаясь, вплотную приблизился к почти потерявшему сознание от ужаса парню.

– Ты, Бесхвостый, видать, не уразумел, что я тебе тогда говорил, – произнес пришелец с нарочитым сожалением. – Ну, сам понимаешь... Я ведь два раза не повторяю и дружбу свою дважды не предлагаю! А ты мало того, что уперся как баран, так еще и язык распустил где не надо. Понадеялся на своего Быкуна? Ну и где он теперь, твой Быкун? Нехорошо, нехорошо... – Он повернулся к своим людям и резко приказал: – Подержите-ка этого недоноска! Не хотелось бы запачкать кафтан – он ведь новый почти.

Трое бандитов отрепетированными движениями схватили жалобно пискнувшего слугу. Двое стиснули его локти, лишая возможности сопротивляться, а третий запрокинул ему голову, резко потянув за собранные на затылке волосы.

И Скорняк неторопливо и аккуратно перерезал ему горло от уха до уха. Искусно уклонился от выплеснувшегося фонтана крови. Потом еще зачем-то дважды ударил ножом в грудь. Спокойно вытер нож о кафтан убитого, аккуратно спрятал за пазуху. Затем неодобрительно обвел взглядом посетителей.

– Некрасиво получается! Столько народу видели... Или не видели?

Лица всех присутствующих явственно говорили о том, что они ничего не видели и вообще непонятно почему они должны были что-то видеть...

Впрочем, нет, не всех – взор Бо уперся в льдистые синие глаза солдата, и тут же на лице главаря отразились противоположные чувства – сожаление по случаю непредвиденных проблем и радостное предвкушение очередного убийства.

– Да, все-таки кое-кто видел... Жаль, – вновь улыбнулся Бо Скорняк.

Многие люди в Корге при виде этой улыбки испачкали бы штаны. Но на лице солдата не дрогнула ни единая жилка. Он просто поднялся из-за стола, при этом плащ как бы невзначай сполз с его плеч на стол.

Громилы увидели под ним желтую выцветшую нашивку и болтающийся на отвороте куртки массивный серебряный семиугольник с рунами по краям и отверстием посередине. Ниже, на широком, в ладонь, поясе воловьей кожи висел продетый в железное кольцо меч необычной формы – как будто чуть переломанный в середине, с массивной гардой и пламевидным острием. Всякий, разбирающийся в оружии, опознал бы в нем ягузский ятаган, хотя и слегка отличающийся от стандартного.

– Ого, – пробормотал кто-то из бандитов, – никак, капитан?

– И здоровый какой...

– Да еще из Стражи этой... – подхватил другой. – Они ж там зверье все на подбор!

– И резак какой-то у него не такой... Может, ну его к *эльфам*, Скорняк?

Но главарь лишь усмехнулся.

– Ну что с того, что капитан? – бросил он. – Как раз ремешка из кожи капитана у меня еще и не было. Поиграем, вояка? – И шагнул к столику.

Опережая его, вперед рванулись сразу двое подручных, на бегу выхватывая клинки...

Это только так говорится: «мгновенно выхватил клинок» или «меч тотчас вылетел из ножен». Если кто вам такое скажет – не верьте. А еще лучше попробуйте сами вытащить хорошую рапиру, эсток или палаш (ну, можно и катану со скимитаром) из ножен.

А вот странный меч и в самом деле покинул пояс северянина моментально.

Знатоку, будь он в таверне, определенно стало бы ясно, почему незнакомец так странно носит клинок – лезвие вырвалось из железного кольца почти незаметно и молнией устремилось в грудь ближайшего головореза. Полуторный кармийский меч успел лишь на три четверти выйти из ножен, когда его хозяин, захлебываясь кровью, упал на грязные доски.

Одновременно серый плащ, подобно крылу летучей мыши, взвился в воздух и накрыл второго из нападавших. Тот заорал что-то, бестолково размахивая только что вынутым мечом, пытаясь стряхнуть облепившую его ткань... И его крик перешел в булькающее всхлипывание.

В руках низкорослого крепыша, стоявшего рядом с Бо, как по волшебству, возникли два метательных ножа. Еще неуловимый миг – и один устремился в шею северянина, другой – в живот.

Первый нож – тот, что летел в горло – капитан отбил взмахом ятагана.

Второй ударил его в бок – и отскочил от куртки.

Молниеносным движением – глазом не уследишь – капитан перехватил свой меч и рубанул по запястью нападавшего на него приятеля только что зарезанного бандита, размахивавшего малым боевым цепом и кистенем. Кисть атакованного так и осталась держаться за рукоять цепи, и тут же клинок вошел ему меж ребер, пробив легкую кольчугу, которую тот носил под одеждой. При этом капитан еще успел, изогнувшись, отклониться назад, пропуская мимо железный репейник кистеня.

В то же мгновение он оказался перед двумя последними бандитами.

Один из них – долговязый громила – отскочил назад, однако офицер опередил его, ударив снизу вверх под подбородок. Острие ятагана вонзилось в мозг, а еще через мгновение настал черед того, кто кидал в него ножи. Свободной рукой северянин перехватил его запястье в тот самый момент, когда он пытался ударить противника длинным тонким боевым шилом. Глаза коротышки в ужасе расширились, а потом выдернутый из черепа длинный ятаган вспорол ему брюхо. А мгновением позже северянин заслонился мертвым телом от удара сабли Скорняка.

Пока главарь высвобождал клинок и замахивался вновь, капитан уже разорвал дистанцию, отступив к столу, из-за которого метнулись в разные стороны напуганные старички. Капитан не попытался запрыгнуть на стол, как поступил бы обычный кабацкий драчун, чтобы через считанные удары сердца рухнуть на пол с подрубленными сухожилиями. Он ловко перекатился через него, сметая грязные блюда и ковши, и спустя миг уже снова оказался на ногах.

В схватке возникла пауза – оба противника, разделенные массивным столом, повидавшим на своем веку не одну подобную схватку, выжидали, переводя дух. Но если Бо Скорняк и в самом деле тяжело дышал и свободной рукой вытирал обильную испарину, то северянин даже не вспотел.

– Уйди, – предложил он, – я не ищу твоей смерти...

– Пес паршивый! – прошипел атаман.

– Отлично. А меня зовут Торнан, – послышалось в ответ.

– С-су-у... – выдохнул Скорняк. И добавил: – Дерьмо свое жрать будешь, выродок северный!

– Верно, выродок! – согласился Торнан. – Меня мать выродила, а тебя из бесячьего навоза слепили!

Взвыв, Бо кинулся вперед, стараясь на выпаде достать капитана кривым клинком в горло.

Но за мгновение до этого из-под стола вылетел тяжелый дубовый табурет, ударивший бандита в колени.

– А-ах-хр-р!! – только и успел выкрикнуть тот, врुбаясь лбом в столешницу.

После этого он замолчал навеки: опустившееся сверху острие перерубило ему хребет, войдя между лопаток.

– Вы ничего не видели? – спросил Торнан у окружающих, аккуратно вытирая ятаган об одежду Скорняка.

– Нет, нет, почтенный господин, мы ничего не видели, – за всех ответил высунувшийся из-за двери трактирщик. – А что, что-нибудь случилось?

– И верно, ничего, – кивнул капитан, вновь вешая клинок на пояс.

Он уже шагнул к дверям, когда произошло то, чего произойти никак не могло, но тем не менее случилось по одинаковому во всех мирах закону всемирного свинства.

Двери «Королевских рогов» распахнулись, и по лестнице, топоча сапожищами, спустилось сразу с десяток стражников, в кои-то веки решивших навестить улицу Трех Демонов.

* * *

– Так ты, я вижу, все же не веришь до конца? Зря, зря...

Двое, мужчина и женщина, беседовали о чем-то вполголоса в комнатке, затерянной в недрах исполинского храма на окраине столицы. Оба были в скромных облачениях низших служителей, но опытный человек мог бы догадаться, что они носят их не по праву, а принадлежат гораздо более высокой касте.

Мужчина был немолод, рыхл и явно проводил дни в телесной лени. Но глаза его с набрякшими под ними мешками были живые, умные и жесткие. И женщина – красивая и властная – терялась под их взглядом.

– Честно скажу, Гормер, я до сих пор сомневаюсь...

– Тебе мало было сообщений из провинций и других земель? Мало пророчеств? Мало того, что астрологи прочли по звездам? Мало тех книг, которые я тебе показывал? Если уж Эрдест – а ты знаешь, как он ко мне относится – не спорит...

– Но может быть... вдруг это совпадения? Бывало же и раньше подобное...

– А вдруг нет?!

– Ну не знаю, дорогой, – бросила она. – Но даже если и так – то почему это поручено мне? Я хоть и не последняя по чину, но в школах не обучалась, к тайнам не допущена, да и вообще – знаешь ведь, чем я занимаюсь?

– Вот именно поэтому тебе и поручено это дело. Там, где не справились наши мудрецы и маги, должен помочь здравый смысл. А насчет тайн и прочего не беспокойся. Тебе помогу я. Ну и Эрдест немного.

– Ты и его привлек?! – удивилась женщина.

– Да, Ан, а что ты так удивилась? Он ведь не как мы с тобой, а еще и немного верит в те святые истины, которые проповедует. Для него наши свары – мелочь по сравнению со служением, и будь наш мир так же чист, как и раньше, то именно он стал бы Великим Предстоятелем. Чего, к нашему счастью, не будет.

– Но все же – почему я?

– Ну, есть еще одна причина. Если – вернее, *когда* - мы достигнем успеха, ты не будешь пытаться отнять у меня плоды победы. Ты ведь знаешь, что очень мне обязана, а неблагодарность тебе вроде бы не свойственна. Опять же ты, как человек, к высшим тайнам непричастный, просто не сможешь этого. – Он негромко рассмеялся. – Ну, иди и приступай. Грамота на полномочия от короны у тебя будет завтра, а уж во всякие мелочи я не вмешиваюсь. Тебе виднее, как выполнить повеление нашей богини.

– Но... Может быть, ты не будешь настаивать на... – Женщина запнулась.

– В чем дело, дорогая? – улыбнулся мужчина. – Ты чем-то смущена? Но я тебя знаю с двенадцати лет, и сколько помню, ты всегда была очень живой и... нестеснительной.

– У меня ведь больше нет никого... – начала было она.

– А вот это будет лишним поводом постараться, чтобы наша затея закончилась успехом, – вкрадчиво-жестко резюмировал мужчина. – Ты ведь постарайся, да?

«Постараюсь уж! – про себя процедила женщина. – Ты ведь не оставил мне выбора, старый змей!»

Но, внешне не выдав ничем своих чувств, только склонила голову в знак покорности.

Глава 2. СУД ДА ДЕЛЮ

– Что ты мне клеишь?! – прорычал капитан, приподнимаясь. – Что ты на меня повесить хочешь, чернильница старая?!

– Ты мне не тычь! – выкрикнул судейский. – Я тебе, то есть вам... И вообще – я с вами свиней не пас!...

– Это конечно, – согласился Торнан. – У моего отца тебя бы точно свиней пасти не взяли. Пожалели б... – Он не стал уточнять, кого именно: чиновника или хрюшек. – Так, значит, это я ни с того ни с сего напал на пятерых бандитов, ни с того ни с сего порезал их и еще пытался бежать? – зло продолжил он. – Удивительные дела творятся в нашем королевстве!

– Убитый вами мэтр Бо в списках граждан числится как стряпчий при Купеческом Суде, – сообщил чиновник.

– Стряпчий?! – иронически протянул Торнан. – Не знаю уж, что он там стряпал, только вот трактирного слугу он прирезал, как поросенка! Или, может, парня тоже я прикончил?

– На этот счет показаний нет, – ответил судейский. – Возможно, в суматохе он сам упал на собственный нож.

– Да ну? Аж три раза? И один раз – горлом?

– Все может быть. – уклончиво сказал служитель закона.

Почему-то это невинное замечание окончательно вывело офицера из себя:

– Ах ты крыса бумажная!!! Да я тебя...

Но в суде городского магистрата славной столицы королевства Кильдар уже накопили опыт общения с буйными посетителями. Торнан еще только успел вскочить, а на плечах его повисли сразу четверо стражников.

– Увести, – скомандовал чиновник, – пусть в камере остынет.

– Слон без хобота! Кабан кастрированный! Петух ощипанный! Любовник козлийный! – ревел Торнан, пока стражники волокли его по коридору (с должным почтением – капитан все-таки) в отведенную ему камеру.

Когда его впихнули внутрь, он еще успел метнуться к двери, но на какой-то миг опоздал, и засов лязгнул перед самым его носом.

От души вмазав обеими кулаками в потемневшие дубовые доски, Торнан плюхнулся на топчан и уселся, повесив голову. Вспышка ярости словно отняла у него все силы. Даже когда через час принесли миску с густым варевом из солонины и несколько ломтей хлеба – завтрак, он же обед, он же ужин, – капитан не стал кидать пайку в лицо разносчику через дверцу, как сделал вчера, а смиренно попробовал это съесть. Но, несмотря на то что брюхо уже подводило, он сумел заставить себя проглотить лишь пару ложек, подумав, что если таков паек привилегированного узника-офицера, то чем же кормят простых смертных? В дни его юности заточенных как будто кормили лучше...

Подтянувшись на ржавой решетке, капитан выглянул в пустой двор.

Высокие каменные стены, сложенные из слегка отесанных валунов, строгие башни и кажущееся тускловатым небо в колодце стен, вызывающее безотчетную тоску. По коридорам таскали арестантов, грохоча железом, проходили стражники. Слышалась перебранка и затейливый мат. Нарочито громко заверещала баба – не иначе, в кордегардии охрана развлекалась с пойманной проституткой.

– Э-э-э! – только и выдохнул Торнан, потому что слов у него уже не находилось.

Солнце перевалило за полдень, когда в дверях его камеры вновь загредел запор. Неужели его опять будут допрашивать треклятые крючкотворы? Или, может, его поведут на прогулку – вроде заключенных иногда полагается прогуливать, чтобы не зачахли от тюремного смрада?...

Но когда увидел, кто вошел в камеру, вмиг забыл о тюремных обычаях.

Еще раз внимательно окинул взглядом гостью. Синее облачение, метущее пол, серебряно-золотой нагрудник, сияющий самоцветами, лицо...

Лицо... Нагрудник... Священное облачение...

«Не может быть!» – только и произнес он про себя.

– Здравствуй, Торнан, это и в самом деле я. Ты не ошибся.

– Здравствуй, Аниза, – улыбнулся он в ответ, внимательно оглядывая ту, что его навестила. Его старая знакомая сохранила красоту, какая была присуща ей в молодости. Стройная, высокая, благородного облика... Изящно очерченный овал лица, с узким прямым носом, чувственным ртом и большими, яркими глазами под пушистыми бровями. Безукоризненная кожа, гладкая и упругая. На пальцах сверкали дорогие кольца. А на шее висела, блестя камнями, жреческая пектораль.

– Ну и что это за маскарад, киса? – он указал на пышное одеяние.

– Это не маскарад, – с прохладцей уточнила гостья. – Я действительно теперь жрица Великой Матери пятого ранга.

– Ну хоть не Митры...

– Прекрати, – отмахнулась Аниза. – Теперь многое изменилось – я уже не та, кого ты знал когда-то...

– А кто же ты?

– Я проректор Дискасионской школы. Слышал про такую?

– Ага... – кивнул Торнан, многозначительно улыбаясь. – Выходит, не оставил тебя милостями тот брюхоногий настоятель... Понимаю, чего тут не понимать? Правда, ты вроде еще молодая, рано тебе шлюх обучать. Обычно этим те из вас занимаются, кто уже работать не может.

– Не смей так говорить! – вспыхнула Аниза. – Вы, мужланы, все понимаете только в одном смысле! Да знаешь ли ты, что в Дискационе почитают за честь учиться девушки из самых знатных семей?!

– Да я разве спорю? – примирительно сказал Торнан. – Среди знатных тоже шлюхи попадают будь здоров.

– Все, не хочу с тобой говорить! – замахала руками его старая знакомая. – Постыдился бы – не меня, так хоть Великой Матери.

– Верно, тебя стыдиться мне нечего. Мы друг друга знаем лучше некуда.

Аниза помотала головой, небрежно садясь на колченогий табурет.

– Котик, неужели ты решил, что я приперлась к тебе сюда, потому что мне не с кем спать? Давай забудем – хотя бы на время – прошлое и поговорим о настоящем. – Тут она словно в первый раз заметила миску с недоеденной похлебкой, брезгливо принохалась. – Понимаю, – кивнула она. – То-то я смотрю, ты сердитый такой! Известное дело – прежде чем заставить мужика трудиться, его нужно покормить.

Не прошло и десяти минут, как тюремщики, не забывая кланяться в сторону Анизы, расставляли на дощатом столе блюда и кубки, за которыми было послано в ближайший трактир.

Торнан не заставил себя уговаривать. В два-три больших глотка выхлебав сразу полкувшина легкого вина, он пододвинул к себе блюдо с молочным поросенком. Мясо было приготовлено просто чудесно, а подливка из душистых кореньев заставила его довольно причмокнуть. Оставив разговоры на потом, узник по старой солдатской привычке жадно насыщался – если представляется удобный случай пожрать досыта, то надо им пользоваться, ибо когда еще представится другой такой?

О том, чем придется расплачиваться за столь сытный обед, он решил пока не думать.

Аниза почти не ела, лишь, чтобы поддержать компанию, отщипнула от сладкой лепешки несколько кусочков и пригубила из небольшого бокала. Она внимательно смотрела на работа-

ющего челюстями Торнана, улыбаясь своим мыслям. Наконец северянин оттолкнул опустевшее блюдо, жалобно зазвеневшее, допил вино.

– Ну и зачем я тебе понадобился? – И добавил, не скрывая иронии: – Досточтимая.

– Хочу предложить тебе работу.

– И что мне с этого будет? – перебил ее Торнан.

– Тебе за это ничего не будет, – усмехнулась жрица. – Не бойся – резать верховного архиерея Храма или Великого понтифика Митры тебе не придется.

– А кого? Ты же знаешь – я таким заработком брезговал и в худшие времена.

– Никого... – Аниза помрачнела. – Или многих. Но, прежде чем я буду с тобой говорить о деле, ты должен сказать «да». И после этого ты уже не сможешь отказаться.

– Киса, мне это не нравится, – после паузы сообщил Торнан. – Я не покупаю kota в мешке.

– Значит, я ошиблась, и того Торнана, которого я знала, больше нет, – печально произнесла она, нарочито проигнорировав «кису».

– Не забудь только, что Торнану, чтобы не загреметь на галеры, пришлось потратить почти все свое золото на покупку офицерского чина и поехать на войну с норглингами. Торнан теперь здорово поумнел.

– Тогда, если Торнан поумнел, пусть подумает своим недюжинным умом над тем, что ему, возможно, придется все-таки помахать веслом.

– Шутишь, Аниза! – рассмеялся Торнан, сыто рыгнув. – Чтобы капитана пограничной стражи сгноили на каторге из-за каких-то бандитов?

– Да, власть портит людей, – иронически прокомментировала Аниза. – Стоит человеку выползти из грязи, и он считает себя князем.

– Что-то я тебя не понимаю, подруга, – протянул обиженно Торнан. – Я в князья не лезу, ты что-то путаешь, хотя и к быдлу не отношусь...

– Извини, Тор. Я только хотела тебе кое-что объяснить. Ведь это только тебе кажется, что ты пришил бандита. А вот что будет, если судья решит, что это грязный варвар подло убил в пьяной драке честного логра?... Вот я и говорю, – взирая на обдумывающего ее слова северянина, продолжила Аниза. – По-разному ведь может обернуться. Вот, например, если судье какие-то солидные люди скажут, что капитан Торнан – человек добропорядочный и законопослушный, а Бо Скорняк – личность сомнительная, то это будет одно. А если окажется, что за Торнана некому замолвить словечко...

– То есть ты хочешь... – недобро глядя на нее, начал он.

– Я всего лишь хочу, чтобы ты мне помог. И хочу, чтобы ты стал богатым и знатным человеком. Торнан, – тон жрицы стал почти умоляющим, – я обещаю тебе – это будет не опаснее твоей нынешней работы... Я не стану тебе грозить – ты и сам понимаешь, в таких делах нет ничего хуже принуждения. Просто помоги мне, а я помогу тебе. – Она стиснула руки на груди. – Ну так как? – спросила она, выдержав долгую паузу.

– Хорошо! Уговорила...

И Торнан ощутил несказанное облегчение.

– Я знала, что ты послушаешься голоса разума, – кивнула Аниза.

Глава 3. ВОЛЯ ТИАМАТ

Копыта пары золотистых кобылок размеренно цокали по серой брусчатке дороги. Оси, щедро смазанные пальмовым маслом и обмотанные медной фольгой, чтоб быстрее вертелись, легонько поскрипывали.

Горожане с завистью провожали взглядами роскошную колесницу, затянутую тентом с длинной бахромой, с символами великой Тиамат на дверцах и облучке. При виде ее всякий бы понял, что великая богиня одаривает своих смиренных слуг весьма щедро.

Торнан вздохнул. Радость от того, что он вновь на свободе, постепенно сменялась ноющими мыслями все на ту же тему – чем придется расплачиваться. Уж явно не тем, что его спасительница так любила все то время, сколько он ее знает.

Капитан покосился на сидящую рядом Анизу, не преминув восхититься ее изящным лицом, носящим выражение благородной задумчивости.

Как уже успел узнать Торнан, его старая знакомая была не только заведующей пресловутой Дискасионской школой, но также и жрицей, ответственной за сбор «покаянной монеты» – денег, которые жертвовали на храм проститутки, таким образом искупая свою вину перед Великой Матерью, ибо любовь продавать нельзя: не для того была создана женщина.

Вскоре их колесница выехала на площадь, минуя длинный фасад великолепного бело-мраморного храма Тиамат, перед которым били фонтаны. Но их путь лежал дальше – обогнув исполинское сооружение, они проехали вдоль высокой, почти в два человеческих роста, стены, окружавшей храм, и остановились у невзрачных деревянных ворот.

Анизу и Торнана стража пропустила беспрепятственно. Анизе достаточно было лишь высунуться и небрежно махнуть рукой, и охранница, немолодая, жилистая и плоскозадая, распахнула ворота, одновременно дав отмашку выбравшимся из привратничкой товаркам. Наметанным глазом Торнан окинул их крепкие мышцы и подтянутые животы, оценил слаженные движения. Да, неплохо их вымуштровали. Конечно, случись что, он бы их раскидал – Аниза и до десяти сосчитать не успела бы, но вот что удалось бы сделать это чисто, не получив ран, – уверенности не было...

Они въехали на территорию храма. Тут правил уже не король Корга, Астарим VII, да продлит Небо его дни, а сама Тиамат Неисповедимая. Сад во внутреннем дворе благоухал ароматами и свежестью. Вокруг щебетали птицы, росли цветы и били фонтаны. По аккуратно выложенным галькой дорожкам сада гордо прохаживались диковинные голенастые птицы с цветастым оперением, которые важно взирали на посетителей.

Из сада Аниза вывела Торнана в большой триклиний, отделанный зеленоватым мрамором, с мозаичным потолком и галереями. Они прошли в глубь жилого крыла храма. Высокие потолки, полы, выложенные мозаикой, стены, расписанные фресками и украшенные гобеленами.

– Богато живете, – только и бросил капитан.

– Не бедно, – согласилась его приятельница.

– Ладно уж, что за дело у тебя ко мне? – Не в привычках Торнана было оттягивать неприятные объяснения.

– Ты слишком спешишь, дружок. Сначала тебе надо сменить одежду и вымыться. А разговор подождет.

Торнан согласился с Анизой. И в самом деле, за эти дни он успел изрядно провонять тюрьмой.

В храме мытью явно уделяли особое внимание: купальня сияла чистотой и пахла благовонным маслом. В углу стояла дубовая ванна – огромная лоханка, наполненная теплой водой.

Некоторые надежды пробудились в нем, но Аниза лишь проводила его в купальню, а затем оставила одного.

Сидя в лохани, Торнан не переставал обдумывать ситуацию, в которую угодил.

Итак, его старая приятельница, которой он в свое время перетаскал немало золота, добытого обманом Сираксийской таможни, ныне заведовала Дискасионской школой. Это учреждение многие считали (и Торнан принадлежал к их числу) не чем иным, как высшей школой проституции.

Но авторитет Тиамат, под покровительством жрецов которой школа находилась, придавал Дискасионцу известную респектабельность и авторитет. И правда, там учились не только искусству любви, но прочим сопутствующим вещам: музыке, танцам, поэзии, языкам, умению интриговать и располагать к себе, поддерживать умную беседу, и тому подобному. Старые, опытные, отошедшие от дел куртизанки раскрывали перед девицами самые потаенные секреты отношений между женщинами и мужчинами. Ученицы этой школы были причиной кутежей, расточительности и целого ряда других безумств золотой молодежи Корга. Что же до тех, кто прошел там полный курс наук, то перед их чарами были бессильны вельможи, полководцы и даже цари. Сыновья купцов, даже солидные отцы семейств пускали по ветру состояния, одаривая опытных девиц золотом, драгоценностями, дорогими платьями и рабынями. И неудивительно, что даже состоятельные семьи отдавали в Дискасионскую школу своих дочерей – чтобы обучить их умению нравиться и помочь составить хорошую партию.

Его приятельница взлетела весьма высоко. Да, что ни говори, женщине устроиться в жизни проще. Легче, не легче – судить не ему, но что проще – факт. Подцепила верховного жреца храма Матери в Сираксе, и вот – уже высшая жрица, в то время как многие благочестивые потомственные служительницы богини до седых волос прозябают в каком-нибудь дощатом деревенском капище...

И вот теперь бывшая продажная женщина рассуждает о спасении мира. Торнан сделал себе замечание: в конце концов, даже монархи, бывало, брали в жены певичек и танцовщиц, да и нынешняя королева тоже как будто родилась не во дворце... Не говоря уже о том, что как-никак Аниза избавила его от неприятностей.

Когда Торнан насухо вытерся и побрился, то обнаружил, что его одежда исчезла, а вместо нее – вот диво! – на лавке в предбаннике лежит серо-синий парадный мундир Стражи Севера, на который кто-то аккуратно перевесил его капитанский медальон. Лишь пояс, ятаган и куртка остались на месте.

И вот он, чувствовавший себя в форме довольно глупо и непривычно (в Страже считалось особым шиком игнорировать уставное одеяние), в покоях своей знакомой.

– Ну, добро пожаловать, Торнан. Как тебе мое новое жилище? Слушай, сколько же лет прошло после нашей последней встречи?...

За эти годы Аниза, пожалуй, даже похорошела, отметил про себя Торнан. Простое шелковое платье словно обтекало ее статную фигуру, сандалии мягкой кожи подчеркивали стройность ног. В домашнем одеянии она выглядела намного симпатичнее, чем в официальном жреческом облачении.

– Садись, ешь, пей, если хочешь, и слушай... Северянин весь обратился во внимание.

– Итак, мне придется начать издалека. Слышал ли ты о Черной Эпохе?

– Какие-то ваши легенды, – пожал Торнан плечами. – Вроде боги разгневались на людей, или люди отвергли богов, и те напустили на них демонов...

– Ты сколько времени живешь в Логрии? – недовольно спросила Аниза.

– Да годков с дюжину будет. А к чему это?

– Просто за это время мог бы получше узнать прошлое земли, где обитаешь, – наставительно уточнила жрица.

– Только и дела мне было, – бросил Торнан.

– Хорошо, продолжим. Тогда тем более придется рассказывать все сначала. И так, полторы тысячи лет назад на мир обрушились неслыханные бедствия. Жрецы темного бога Шэтта-Змея в своих темных изысканиях достигли такого могущества, что осмелились бросить вызов небожителям. Эта темная секта поклонников зла, овладев древней магией, призвала великие бедствия на Логрию, да и на весь мир. Наводнения, войны, землетрясения, голод и всеобщее безумие распространялись по земле. И тогда служители Тьмы явились к правителям гибнущих королевств и предложили им свою помощь – мол, только они могут зачать духов разрушения и смерти. Взамен они потребовали, естественно, объявить культ Шэтта и его темной родни единственным.

– И владыки, конечно, согласились, – с ухмылкой бросил Торнан.

– Не все, – сказала жрица, – но многие. В странах, поклонившихся Тьме, десятки тысяч людей умерли на алтарях Яру – Великого Зверя и Мархи – Ночной Кобылы. А в подземельях храма самого Темного Змея творились ужасы, о которых некому было поведать, но от которых седали и сходили с ума даже его служители...

Торнан недоумевающее пожал плечами. Пока что он слышал лишь старое и не очень интересное ему логрийское предание об очередном конце света. У его народа были похожие – вроде легенды о том, как Князь Холода решил покорить весь мир и наслал на людей ледники и зиму в десять лун, и почти весь свет стал похож на Отринутые Земли...

Непонятно – зачем ему все это?

Спохватившись, он обнаружил, что пропустил изрядный кусок из речи Анизы, и теперь она уже перешла к описанию битв богов:

– Но слишком силен оказался Темный, и не удалось силам света одержать верх. Больше того – говорят, что войско нагов захватило в плен светлую богиню Литту и Небесного Воителя Арса, и нелюди принесли их в жертву Шэтту. А царь Гронда, что был на месте Картагуни, по наущению темных колдунов заключил союз с троллями и взял в жены их принцессу. Огромное войско троллей разбило армию трех королевств при Эльгае, истребив всех до одного. Жрецы и колдуны правили людьми, творя ужасное зло. Молодых девушек уводили в темные пещеры, где совершались страшные ритуалы, на площадях городов в адских мучениях умирали тысячи пленников... Тролли разрушали города и убивали тех, кто уцелел в схватке с ордами людоедов. Не помогли ни чары уцелевших магов, ни сила верховных богов – грозного Тия, премудрого Нея, владыки вод Посенода. Выходившие из моря неведомые раньше чудовища сокрушали последние храмы. Лишь слуги зла торжествовали. Они своим чародейством убивали и делали безумными всех тех, кто осмеливался сказать против них хоть слово. Мертвецы вставали из могил, поля гибли, стада чахли после их появления. Женщины, которых они делали наложницами, становились безумными демоницами и рожали ужасных тварей – стрыгаев, богортов и иных, о которых ныне не осталось памяти. Лишь скудные слова остались в летописях о кровавых оргиях и омерзительных пиршествах, да еще иногда находят их древние капища с горами костей. Они готовились уже и к штурму небес: изыскивали способы гасить светила и управлять ходом звезд, грозя, что по их воле луна падет с неба.

Люди уже приготовились к гибели, но все же Тиамат и светлые боги смилоствивились над ними. Жрецы Тиамат, объединившись со всеми светлыми магами и жрецами истинных богов, воззвали к Великой Матери, и та откликнулась. Откликнулись и прочие боги, пожалев неразумных смертных. С гор пришли цверги и принесли оружие, убивающее самых могучих тварей и колдунов. Из страны в Холмах явились отряды светлых сиитхов, владеющие великой магией. И иные удивительные создания были приведены в наш мир. Великие герои – и Ификлий, сын Ификлия, и Арс Красноглазый, и Тумраз, и многие иные вышли на битву со злом...

«А где ж они раньше-то были?» – подумал Торнан.

– И сошелся царь Курана Тус Железнорукий в битве с самим Четырехрогим, спустившись в его пещеры под горой Хорат, и сразил его мечом синего булата, что выковали мастера

Дунзага и благословили светлые сиитхи. И хотя сам погиб и погибли спутники его, но сокрушил он предтечу Разрушителя.

«А откуда ж тогда известно, что он этого Четырехрогого сразил?» – вновь спросил Торнан про себя.

– И за один год добро сокрушило Тьму, наползавшую на мир и грозившую его поглотить. В том помогли чародеям и жрецам великие талисманы, хранившиеся в храмах со времен, когда небожители ходили по земле, и созданные по советам бессмертных...

Глядя на серьезное и строгое лицо Анизы, Торнан чуть не рассмеялся. Он вспомнил, что не так уж и давно эта женщина весьма любила одно занятие – усевшись к нему на колени в чем мать родила и нежно обхватив его за шею, «поиграть в слова» – придумывать новые названия для того, чем они занимались прошедшей ночью...

Видимо, выражение лица его выдало.

– Ты меня слушаешь? – резко оборвав рассказ, спросила Аниза.

– Слушаю, – кивнул Торнан.

– И что скажешь?

– Что скажу? – осклабился он. – Скажу, что неправильно живу. Взять хоть наших с тобой знакомых по западному побережью. Грудд – на дочери капитана сиюмского порта женился. Серхан – тот уже второй корабль покупает. Кешт Сухорукий – трактир открыл. Ты вот в жрицы вышла. Один я, дурень, как махал железками, так и машу. Надо бы и мне научиться так хорошо сказки рассказывать, как ты... Глядишь, и будет толк.

Похоже, такой реакции его собеседница не ожидала.

– Торнан, ты, похоже, не понимаешь, насколько все серьезно, – умоляюще сжала руки Аниза. – Знаешь ли ты, что написано в священных книгах? В книге Т'Зиан, в книге Айгана, в свитках тормейских предсказателей, в пророчествах Магура, в конце концов... Пойми – везде говорится о том, что Тьма не повержена, не уничтожена, а лишь затаилась. И она вновь вернется спустя двадцать тысяч лун. Все дружно поминают эти двадцать тысяч лун! Двадцать тысяч лун – полторы тысячи лет. Они уже прошли, Торнан... Понимаешь – прошли?

– Я это все понимаю, уважаемая, – пожал Торнан плечами. – Сам любил сказки в детстве. Но мои ребята и не такое рассказывали – зимой, когда делать нечего, только байки у очага травить. Под добрую бражку. Я ведь не первый год живу – наслушался и про волшебные острова, и про заколдованные замки, и про мечи-кладенцы. Сам когда еще сопляком был, три луны в зимбаррских джунглях доспехи бога искал, чуть крокодилы не съели! Так ведь мы туда не по своему хотению поперлись, князь Кумой нас нанял...

– Но послушай...

– Нет, ты послушай меня, уважаемая. Ты, Аниза, конечно, не дура, только вот за всю жизнь нигде, кроме Сиркаса да Корга, пожалуй что и не бывала. А я по свету побродил, как тебе и не снилось, даром что я помоложе. Так вот, самый сильный маг, которого я видел, мог разве что вызвать дождь, а перед этим полдня пыхтел, надувался и бил в бубен похлеще скормороха. Подозреваю, богу дождя, или кто там сидел в небе, просто надоело до чертиков слушать его завывания! А вот еще – был у норглингов такой шаман, Эгри Головотяп. Он, говорят, амулеты делал надежные – от стрелы, меча и секиры. Так вот, я буду не я, если вот этой самой рукой, – продемонстрировал он свою длань, – не развалил его аж до печенок! А тролли, к твоему сведению, – это всего-навсего здоровенные обезьяны, и разума у них меньше, чем золота в муравейнике. Кидать камнями и махать дубиной его хватает, но и только. И стаями они не живут – одиночки, наподобие медведей. А уж насчет того, чтобы троллиху в жены взять... – Торнан усмехнулся. – Ты вот хоть одного тролля видел? Ну хотя бы чучело? А у нас они живут. Меня по малолетству охотиться за ними не пускали, но дядька мой три шкуры добыл.

– Ну, не знаю, – Аниза не скрывала раздражения. – Не забывай – за тысячелетия много могло измениться. И тролли могли потерять разум. Кстати, а разве медведи не живут стаями? Я

сама читала записки князя Эдино – он как раз ездил послом в ваши края. Так вот он вспоминал про то, как ему со спутниками пришлось отбиваться от стаи разъяренных медведей и как те выскакивали из сугробов, в которых прятались.

– Это ж сколько выпить было надо?! – расхохотался Торнан. – Медведи – зимой! Зимой они спят.

– Хорошо, – поджала губы Аниза. – Оставим на время твоих уважаемых медведей и древние тайны. Поговорим о днях нынешних. Прошел слух, очень похожий на правду, что кто-то охотится за древними магическими артефактами конца Золотой, или как еще говорят, Старой эры, в особенности теми, что имеют отношение к временам Великого бедствия. Затем были ограблены два храма – Севза в Коринте и Эйпоны-Всадницы в Марсалии.

«За три моря отсюда», – отметил Торнан про себя.

– В наше время падения благочестия храмы грабят все чаще, – вздохнула собеседница, – но тут было кое-что еще: вместе с золотом и самоцветами похитители взяли и священные предметы – шлем Арса и палицу Ификлия. Зачем бы ворам эти вещи?

– Ну, священные предметы иногда богато украшают, – протянул Торнан, вспомнив лихие дни своей юности.

– Да, но это не тот случай – ни шлем, ни палица не были ничем украшены.

– Дальше, – бросил Торнан, ощутив, что вот сейчас-то и начнется главный разговор.

– Ладно, изволь – видно, ты как всякий мужик понимаешь только самые простые вещи.

Это уже касается нашего, кильдарского братства Тиамат. Не буду говорить, как мы об этом узнали, но в Эльгайских горах в одном из покинутых городов рудокопов, в храме, в тайнике хранятся древние свитки и книги, посвященные древней магии – еще до Черных Времен. Мы снарядили экспедицию в полтора десятка человек. С ней, кстати, было два мага – не худших. Так вот, никто из них не вернулся.

– Ну что ж, бывает, – пожал Торнан плечами. – Эльгайский хребет – это такое место...

– Верно. Но не в этом дело. Мы отправили новую экспедицию, жрецы из тех, что знакомы с мечами, и еще почти полсотни наемников и слуг. Та благополучно добралась до пещерного храма и вернулась.

– Ну и?...

– Только вот свитков там уже не было. В тайнике было лишь письмо от старшего жреца Элдари, Лага, в котором он сообщал, что изъял реликвию и собирается в обратный путь... Мы списались со всеми братствами Тиамат в Логрии и с другими храмами, и выяснилось, что... Что кто-то охотится за всем, что относится к магии Черных Времен.

– Так! – Торнан и в самом деле почувствовал нехороший душок, но что-то все еще сопротивлялось в его душе. – И кто же, по-твоему, все это обстрепал? Сам Йух'хиболл С'саг? И я что – должен буду его прикончить?

– Подозревают, что все это – дело рук братства «Круга Тьмы», – сообщила Аниза. – Тебе знакомо это название?

– Ах, «Круг Тьмы»? – иронически переспросил Торнан. – Ну тогда конечно... Тогда конца света уж точно не миновать!

Разумеется, о «Круге Тьмы» он слышал, и не раз – кто ж про него не слышал? Этому мифическому братству черных магов и жрецов запрещенных культов злых «богов молва была склонна приписывать все неприятности, которые время от времени обрушиваются на род человеческий – от землетрясений, эпидемий и нашествий саранчи до дворцовых переворотов и повышения цен на хмельные напитки. Во многих храмах регулярно предавали анафеме „мерзостных богам слуг братства „Круга Тьмы“, и немало народу в свое время было казнено на площадях при большом скоплении народа, как адепты оного. (Правда, по странному стечению обстоятельств, обычно это оказывались политические противники правящих царей и жрецов.) Тем не менее, насколько Торнан знал, за многие века никому так и не удалось отловить и пред-

ставить публике ни одного «темнокружника», о котором можно было бы достоверно сказать, что он входит в это ужасное братство.

– Ладно, в «Круг» ты тоже можешь не верить. Я и сама в него не очень верю. Не буду ходить вокруг да около: в летописях храма, выбитых на каменных плитах в нашем тайном храме, есть запись об одной реликвии, которая может быть самая важная из всех. Это жезл Тиамат. Собственно, именно с его помощью и была одержана главная победа... Не буду долго говорить – я не причастна к самым великим тайнам Матери, но в наших летописях сказано, что именно им, как ключом, были заперты Темные Горизонты. Что это такое – тоже не спрашивай... В свое время его было решено спрятать, скрыть от глаз непосвященных, как было сказано – ради будущего. Почему именно такое решение было принято, почему столь великую реликвию не сохранили в самых надежных храмовых сокровищницах, а спрятали в глухих уголках Логрии – хроники не говорят. Нам хватило и того, что оказалось возможным, пусть и с трудом, проследить его путь и узнать, где он спрятан. Подумав, мы решили...

– Мы? – оборвал ее Торнан. – А поточнее?

– Мы решили, – продолжила она, нарочито проигнорировав вопрос, – что посылать целую толпу за ним бесполезно. Тут нужен человек, который, с одной стороны, был бы умен, с другой – силен и умел владеть оружием, а с третьей... На кого можно полностью положиться. И вот я случайно узнала о том, что ты в столице, да к тому же влип в неприятности. И я думаю...

– Теперь о самом главном, – оборвал ее Торнан. – Сколько мне заплатят?

Ни единая жилка в лице Анизы не дрогнула, хотя капитан и представлял, что за слова она сказала про себя в его адрес.

– Пять тысяч каймов сразу после того, как жезл будет доставлен, – нарочито небрежно ответила Аниза. – Это раз.

Торнан едва сдержал гримасу удивления – то была воистину царская сумма.

– Второе – титул пожизненного нобили королевства.

Лет пять назад Торнан подпрыгнул бы от радости, даже если за все это ему пришлось бы отправиться штурмовать Нижний Мир.

Но сейчас он решил, что надо хотя бы для виду поторговаться.

– А почему не наследственного? – осведомился он.

– Ну, если захочешь, женишься на дочке барона, станешь наследственным. Делов-то, – ободряюще хлопнула она его по плечу.

– Пять тысяч, – как бы про себя повторил Торнан. – Что-то больно щедро. Не боитесь разориться?

Аниза мягко улыбнувшись, помотала головой:

– Дружище, точную сумму богатств, что уделаила своим скромным слугам Великая Мать, не знает даже ее Верховная Жрица и Первый Смотритель Священного Предела!

В это Торнан готов был поверить. Ходили упорные слухи, что храмы Тиамат уже давно контролируют чуть ли не треть ссудных лавок Корга и Сиракса. А многие торговые дома, насчитывающие уже не одну сотню лет истории, формально принадлежащие старым почтенным купеческим династиям, скуплены служительницами Великой Матери, что называется, на корню.

– Третье, – продолжила Аниза.

– Есть и третье? – заинтересовался Торнан.

– Есть, но о нем, пожалуй, позже. А пока – взгляни. – Она вытащила из рукава свиток и протянула капитану.

Развернув, он увидел старательно нарисованную палку, выкрашенную в пять цветов.

– Вот так он выглядит. Он изготовлен из священных материалов и освящен на алтаре Первого Храма... Представляешь, что за сила вошла в него?

Торнан кивнул. Даже ему, далекому от логрских богов, хотя и уважавшему их, было известно о Первом Храме Тиамат, воздвигнутом еще в те времена, когда люди делали оружие из камня. Его уже семь столетий как не было – он ушел под воду вместе с островом Эркира, погибшим при извержении вулкана.

– Никто не сможет повторить подобного теперь. Понимаешь, почему вы должны будете отыскать ее? – пылливо заглянула она в глаза северянину. – Да, вы должны будете отыскать ее, – повторила она.

– Мы? – изумился Торнан. В немалой степени его обеспокоило, не придется ли делить вышеупомянутую сумму еще с кем-то.

– Не отвлекайся, – поморщилась жрица.

– Ладно, не буду. Так куда за ним надо идти?

– В том-то и дело, что он может находиться в пяти разных местах, причем места эти весьма далеко друг от друга. Или ты думал, что пять тысяч золотых тебе заплатят за легкую прогулку? – насмешливо бросила Аниза при виде его помрачневшего лица. – А пока подожди немножко, я должна сделать кое-какие дела.

И Аниза быстро исчезла за занавесью, оставив Торнана в одиночестве.

Не сказать, чтобы капитан был слишком уж удивлен. Конечно, магия, и колдовство, и жуткие пророчества – это можно пропустить. А вот что касается реликвий... Ни для кого не секрет, как фанатично жаждут жрецы самых разных богов обладать священными предметами своей веры. Тем более что наличие такого предмета приводит к росту числа паломников, возлагающих на алтари храма не только истовую веру, но и кое-что более существенное. Во все (времена реликвии продавались, покупались, похищались во время военных походов, забирались в качестве контрибуции, наконец, просто подделывались. Сам Торнан в своих странствиях лично видел три мумии пророка Зэбулона, шестнадцать отпечатков копыт Посенода и даже два черепа коня, на котором великий воин Мерани лично вознесся на небо. Это не считая прочей мелочи. И то, что кто-то ворует древние священные предметы, не останавливаясь перед кровопролитием, он вполне допускал.

Это Торнану не понравилось: быть втянутым в жреческие разборки непонятно из-за чего – хуже трудно придумать.

Нет, конечно, может быть и так, что кто-то собирает древние реликвии, думая извлечь из них истинную силу. Но чтобы везде и сразу... Пожалуй, у страха глаза велики. Аниза вернулась через полчаса или около того.

– Ну, ты чего-нибудь надумал? – осведомилась она. – Надеюсь, ты не пожалел, что согласился выйти из тюрьмы?

– А вдруг я просто удеру, как только пересеку границу нашего богоспасаемого Корга? – осведомился Торнан.

– Не удерешь, – с улыбкой покачала головой Аниза. – Ну, во-первых, за тобой будет кому присмотреть, – сообщила она.

Торнан в ответ лишь ухмыльнулся, всем видом демонстрируя, что он думает о таком «присмотре».

– Во-вторых, – невозмутимо продолжила она, – неужели тебе не охота заработать пять тысяч золотых и титул? В-третьих, – она многозначительно улыбнулась, – Торнан, я же тебя знаю – ты ведь обожаешь такие дела! А в-четвертых, – она стала вдруг серьезной и строгой, – Торнан, поверь мне, дело достаточно серьезное. Насчет Пророчества Магура и Книги Т'Зиан.

– Ладно. Раз пророчества и даже книга Т'Зиан, то тогда конечно... – Торнан изо всех сил сдерживал улыбку. – А кто все-таки со мной пойдет?

– Во-первых – маг. Он, кстати, ждет за дверью.

– Ладно, пусть войдет – я не ем магов.

За несколько дней до этого. Замок Кардирг – главная тюрьма Корга

– Это у вас тут сидит фомор? – спросила Аниза.

– Это кто ж? А, такой маленький, противный, с глазами, как бельма? Да, именно тут. А в чем дело?

Мордастый, что называется, поперек себя шире, надсмотрщик хотя и встал при появлении жрицы, но особого подбострастия не проявлял. И неудивительно.

Разговор происходил в коридоре третьего этажа тюрьмы. Одной из самых надежных и неприступных – и не только в Корге. Еще лет двести назад эта старая крепость была особой морской тюрьмой. Тут содержался весьма лихой народ – моряки, проштрафившиеся каперы, пираты, контрабандисты, – и неудивительно, что и узилище для них должно было быть достаточно надежным.

И тем более неудивительно, что с некоторых пор государи Корга избрали это место для содержания заговорщиков, что покушались на их власть. (Сейчас тут таковых, правда, не имелось.) А потом кто-то решил, что нет лучшего места для колдунов, преступивших закон. Для них Кардиргская тюрьма становилась могилой – сразу или немного погодя.

Соответственно, и стражи тут подбирались под стать месту: не слишком боящиеся кого бы то ни было. Надсмотрщик повидал и сановников, и лихих пиратских капитанов, и поэтому не робел даже перед служительницей Великой Матери.

– Хочу поговорить, – не вдавалась в подробности жрица.

– Поговорить? И зачем эта дрянь вам, досточтимая?

Аниза промолчала, как бы невзначай помахав свернутым в трубку свитком с большой желтой печатью на двуцветном шнурке.

– Как он себя ведет? – перевела она разговор на другую тему.

– Да как ему себя вести? Жрет себе да сидит; чего ему? Еще и растолстеет тут. Урод! – истоково воскликнул надсмотрщик. – Он ведь что, оказывается, делал – собак травил! Убил бы стервеца, это ж надо: живых тварей – ядом! Людей еще так-сяк, а то созданий бессловесных... Вот все думал – может, морду ему набить для порядка?

– А ты не боишься, что за такое этот колдун сделает с тобой чего-нибудь?

– Не боюсь, – сообщил надсмотрщик. – Терпеть не могу чародеев – все они мошенники и лжецы. Впарят тебе какое-нибудь тухлое варево из сушеных пауков и копченых жаб в сметане, сдерут деньгу и сбегут. А ты потом три дня сидишь в сортире. Настоящих магов сейчас нет.

– Может быть. Но тем не менее я хочу с ним поговорить. – Она еще раз как бы между прочим продемонстрировала бумагу.

– Как пожелаете, – надсмотрщик встал, гремя ключами.

– Да, и пусть дверь будет открыта. Чтоб никто не подслушал, – уточнила жрица.

За гостеприимно открывшейся дверью оказалась довольно просторная камера. В обычной тюрьме ее заняло бы не меньше десятка арестантов, но здесь заключенный был всего один. Невысокий, щуплый, беловолосый и светлоглазый, с мелкими и невыразительными чертами лица. Облачен он был в драную рубаху и штаны, со следами старых кровавых пятен, выданную из кладовой Кардирга. Старая мера предосторожности – мало ли, вдруг маг зачарует какой-нибудь предмет своего гардероба, а потом спалит колдовским огнем и честных стражей порядка, и узилище?

Выглядел коротышка неважно: поминутно вытирал испарину, сидя в напряженной позе, время от времени лицо искажала гримаса страдания... Неудивительно – два раза в день в него вливали добрую кружку отвара траммы, ввергающей в такое состояние, что совершенно невозможно творить магические действия. Ведь этого человека арестовали в портовом кабаке, когда он, каким-то непонятным чародейством заворотив пьяного купца до полной потери сознания

и отведя глаза другим посетителям таверны, снял с него пояс с почти пятью сотнями серебром.

На его горе, в зале присутствовал морской колдун с одного из кораблей, который заметил неладное. И вот теперь грабитель ждет решения своей судьбы. А как известно всем, законы любой страны беспощадны к магам-преступникам. Ему предстояло пожизненное заключение, коему суждено было продлиться не очень долго, ибо трамма не только лишает способности творить чары, но и отравляет пьющего ее.

Все это промелькнуло в голове у Анизы, перед тем как она с небрежностью, присущей тем, кто привык, что за их одеждой следят другие, уселась на грязные нары.

В глазах узника появилось что-то похожее на любопытство.

– Итак, не буду долго говорить. Ты Чикко, фомор с острова Лард, что в Пиридианском архипелаге. Кстати, как тебя зовут по-настоящему?

– Благородная госпожа, я уже почти забыл свое истинное имя, и к тому же, наверное, потерял на него право...

– Ладно, как пожелаешь. Ты наследственный шаман клана Белой Совы?

– Уже нет, – коротко бросил Чикко. – Я им был.

– Все равно. Ты умеешь варить зелья всех видов для злых дел, как и для добрых. Ты умеешь отводить глаза, насылать порчу и смерть, лечить болезни и раны наложением рук, а также Словами и Знаками. Ты даже, говорят, можешь летать... Что скажешь?

– Брешут, пресветлая... Разве тогда я сидел бы тут? – грустно улыбнулся фомор.

– А почему ты покинул родину?

– Превратности судьбы, – так же лаконично ответил он. – Неужели столь высокая особа пришла в эту грязную дыру, чтоб узнать жизненную стезю мелкого вора?

– Не такой уж ты мелкий. Три года в Сейлессе, у контрабандистов, пять лет учения у мага, до того как попасть к нам в Кильдар. Кстати, тебя брал на работу Жериэнн – почему ты не принял его предложение?

Чикко помрачнел.

– Давал мало... – пробормотал он, отводя глаза.

– Врешь, – усмехнулась жрица. – Хозяин половины борделей в Тарикке – и поскупился? Фомор поднял свои светлые глаза на гостью.

– Ты сама знаешь, для чего ему нужен был травник и колдун. Хоронить бабский грех... Или еще говорят – «сокрытие тайн любви»? Так это у вас называется? Я, может, и нарушил все законы своего народа, но есть вещи, через которые я не переступлю... Пусть этим ваши цирюльники занимаются – а потом им рубят руки на площадях. А я, видишь ли, хочу с руками помереть. Странно, что ты, служительница Предвечной, этого не понимаешь...

– Понимаю, – ответила жрица, чье лицо вдруг окаменело на несколько мгновений. – И, может, лучше тебя понимаю... Что ж, похвально, – она справилась с собой. – Правда, твоя вера не помешала тебе поступить на службу к Королю, который был одним из самых знаменитых убийц и грабителей Корга за последние двадцать лет. Ты очень быстро вошел в фавор у Короля и стал при нем придворным чародеем, лекарем и штатным изготовителем ядов. Я права?

– Ну, кто-то должен исцелять и воров, – передернул фомор плечами. – А что до отравы, то она предназначалась только для сторожевых псов.

– Знаю, и только поэтому ты пока не на виселице. Кстати, ты же прирожденный шаман, неужели не мог зачаровать собачек?

– Ну да, – нахмурился фомор. – Этих зачаруешь! Эта ваша коргианская сторожевая – не зверь, а настоящая нечисть! Противная богам тварь! Определенно, их вывели черные маги – без них не обошлось. Думаете, я не знаю, что к ним собственные дрессировщики входят только в кольчугах?

И вновь жрица кивнула. Из семнадцати отравленных ядами этого человечка псов не было ни одного нормального.

– Тем не менее, – продолжила она, – ты стал настолько знаменитым, что тебя пригласил на работу сам Суун, чтобы ты помог обчистить ювелирное заведение купеческой семьи Мугов. И ты сумел обезвредить не только псов, но и пятнистых пифонов, которые сторожили лавку...

– Да! И Суун остался мне должен за эту работу! – с болью в голосе бросил узник.

Ограбление лавки богатейших ювелиров Корга должно было стать его последним делом, ибо как раз обещанной суммы ему не хватало для того, чтобы наконец завязать с темными делами и начать осуществлять свою заветную мечту... Но, увы – знаменитого бандита вместе с половиной шайки прикончили стражники, прежде чем он расплатился.

– Также ты, пользуясь своими умениями, склонял к сожительству честных девушек различных сословий, – продолжила Аниза. – Сколько их было – двадцать, тридцать? Больше?

– Осмелюсь сказать, высокая повелительница, что доподлинных девиц среди них было лишь две, – вставил арестант.

– Вот как? – жрица приподняла брови. – Ты предпочитаешь опытных женщин? – На губах ее возникла многозначительная улыбка.

– Дело в том, уважаемая, что невинную девушку почти невозможно склонить к тому, чего она не знает. Как я, скажите на милость, смогу пробудить в ней страсть и воспоминания о пережитой сладости, если она этого еще не испытывала?

– Но двух-то ты обломал? Темнишь, братец, – бросила Аниза.

– Те две были уже перезрелыми, – вздохнул чародей. – Совсем, бедняжки, истомились в своем никчемном целомудрии...

– И ты их освободил от страданий?

Фомор промолчал. Потом вдруг торопливо вскочил и, согнувшись, пробежал мелкой трусцой в угол, к дурно пахнущей дыре в полу, и наклонившись над ней, присел. Тело его сотрясали спазмы.

– Извини, почтенная, – он обернулся, вытирая рот ладонью. – То зелье, которым меня потчуют, чтоб я не смог колдовать, – оно, знаешь ли...

Он вновь вернулся на койку.

– А оно тебе сильно мешает? – Аниза вновь многозначительно улыbnулась.

– Какая разница? Я ведь все равно не могу развалить эту тюрьму по камешку или превратиться в мышку и убежать!

– Хорошо. А теперь скажи мне, Чикко, вот что... Ты явно колдун не из последних, ты много знаешь и умеешь, ты, наконец, не дурак. Почему же ты связался со всяким отребьем, вместо того чтобы спокойно зарабатывать деньги своим искусством?

– А будто сама не знаешь, госпожа! – с обидой бросил Чикко. – Будто ты не слыхала, что нужно, чтобы стать практикующим магом в вашей богоспасаемой Логрии! Нужен патент, подписанный тремя чародеями. Нужно заплатить городским чиновникам, и немало. Нужен дом или лавка в каком-нибудь приличном квартале, в котором будет груда всякой чародейской дребедени вроде старых костей, сушеных крокодилов по углам и древних идолов – чем уродливей, тем лучше! А к клиенту надо выходит не иначе как в парчовом балахоне и все такое. Только тогда людишки согласятся расстаться со своими деньгами. Без этого ты всю жизнь так и будешь продавать глупым девкам приворотные зелья и лечить пьяных матросов от дурных болезней, получая иногда вместо платы по зубам, будь ты хоть второй Мириддин или Альмангор!

– И много тебе еще оставалось копить, чтобы заполнить все это?

– Какая теперь разница? – задрожавшим голосом бросил маленький шаман, и Анизе показалось, что в уголках его глаз что-то блеснуло.

В его убогом жилище все тот же морской чародей, явившийся туда со стражей, обнаружил скрытый хитрым заклятьем – в Логрии такого не умеют – тайник со всеми сокровищами фомора. Там было что-то около трех тысяч каймов в монетах и драгоценностях.

– Просто ты можешь заработать даже больше. И, само собой, избежишь смерти в Кардирге.

Он резко повернулся в ее сторону, напряженно вглядываясь в ее лицо. Смотрел он долго, и от его взгляда жрице, женщине повидавшей и пережившей немало, становилось все больше не по себе. Быть может, трамма и в самом деле не до конца лишает чародея силы?

Затем Чикко вдруг саркастически усмехнулся.

– Что ж, прислужница Древней Матери, я готов – приказывай...

* * *

Аниза ударила в гонг. Два раза.

Несколько секунд Торнан вглядывался в фигуру, появившуюся у дверей.

– Чикко? – неуверенно спросил он. – Ну, велик бог Грома! – И кинулся через всю комнату к гостю.

– Медведь?! Ты? Вот это дела... – ошалело произнес человек.

– Чикко, Чикко, дружище!!! – тряс его Торнан, изо всех сил сжимая в объятиях. – Ты как? Давно из Сиркаса? Как там наши? Как Торкест? А Эссия? Замуж не вышла?

– Вы знаете друг друга? – спросила Аниза. – Воистину, это знак от Великой Матери!

– Ты нашла мне самого лучшего мага, какого только можно! – сообщил Торнан. – Человек, который честно признается, что почти ничего не умеет.

– Ну, уж прямо и ничего, – скромно улыбнулся Чикко. – Ты льстишь моей скромности.

– Да, теперь я точно знаю, что не ошиблась. – Аниза снова ударила в гонг. Трижды.

Дверь вновь открылась. Подкованные каблуки процокали по старым плитам, по-военному четко щелкнув в конце.

– Старший воин Храма явился по вашему повелению, достопочтенная.

Торнан некоторое время взирал на того, кто вошел, только что не открыв рот в изумлении, совершенно забыв о старом приятеле.

– Это *что*?! – наконец осведомился он.

Глава 4. ВОИН ХРАМА

За несколько дней до того. Квартал увеселительных заведений Корга

Носилки, влекомые четырьмя полуголыми неграми, остановились у грязных замызганных дверей двухэтажного дома с заколоченными окнами и облупившимися стенами.

Мечи на поясах невольников и бронзовые бляхи на шнурках, что свисали с бычьих шей, говорили всякому, что перед ним иеродулы – старшие рабы храма. Самая завидная участь, которая может ждать раба! Иеродула нельзя продать без вины, его не заставляют много и тяжело работать, а дети его считаются свободными от рождения. Да что говорить – при удаче иеродул сам может стать жрецом!

И всякий поймет – если паланкин тащат не простые поденщики, а старшие рабы храма, то и едет в нем весьма важная птица.

Паланкин осторожно поставили на землю, и оттуда, отдернув занавески, выпорхнула пышно одетая женщина с массивной пекторалью на груди, по которой узнавали высших жриц Тиамат Неизреченной.

– Куббу, Нгусу, стойте тут и ждите, – распорядилась она. – Вы, – это двум другим, – за мной.

– Да, госпожа, – произнес старший.

Дверь беспрепятственно открылась, и они вошли внутрь, не встретив никого, лишь позеленевший медный колокольчик надтреснуто звякнул над притолокой.

Спустя минуту в полутемной передней появился хозяин – низенький жирный евнух с дежурной улыбкой на безбородом лице, в длинном дорогом парчовом халате, впрочем, не очень чистом и не новом. Быстрый взгляд на посетительницу, такой же быстрый – на двух рабов позади, потом опять на гостью, вернее – на ее пектораль. Сосчитав камни, он низко, истово поклонился – раз, другой.

– О, какая честь! – пропищал коротышка, закончив кланяться. – Осмелюсь спросить, что вам угодно, светлейшая? Лучшие наши мальчики – к вашим услугам! Вам светленького, черненького; помоложе, постарше?

– Я ищу девушку, – коротко сообщила посетительница. Скопец несколько растерялся.

– Девушку?... Я, конечно, готов со всем старанием услужить, но это, так сказать, несколько не наш профиль. Однако если вы сообразовалите подождать...

– Заткнись, тупорылый! – зло скривилась гостья. – Я пришла за Мариссой.

– Мариссой?! – недоуменно пропищал евнух. – Но поверьте, я не имею чести понимать, о ком вы изволите...

– Брунда, – коротко бросила женщина, и один из негров шагнул вперед, протягивая ручищу к мгновенно побелевшему карлику. Видимо, вмешательство темнокожего исполина подстегнуло разум евнуха.

– А! Вам, наверное, нужна Белая Рысь? – торопливо сказал коротышка, болтаясь в воздухе. Женщина чуть кивнула, и кастрат был поставлен на место.

– Я не знаю, каким идиотским имечком она себя называет у вас, но я пришла за ней и не уйду без нее, даже если мне придется разобрать ваш клоповник по кирпичику! – И, видимо, чтобы окончательно добить управляющего дамским борделем (одним из двух в Корге), жрица добавила вполголоса: – Давай, кердуй шпетче, гунай безпоцьй!

Евнух икнул, выпучив глаза, а потом, решив, что чему быть, того не миновать, направился в глубину здания.

Жрица вместе с одним из стражей направилась следом.

Поднимаясь и опускаясь по узким душным лестницам, проходя темными коридорами, они углублялись все дальше. Из-за тонких дощатых стен доносились разнообразные звуки: стоны и вздохи, крики страсти – наигранные или натуральные, свист плетей, женские и мужские вопли, в которых смешались боль и наслаждение, и тому подобное. Одним словом, заведение жило своей обычной жизнью.

Наконец они остановились у одной из дверей.

– Здесь, – сообщил евнух. – Только я хочу сказать, – добавил он, – госпожа очень сердится, когда ее отрывают... от дела, иногда даже пускает в ход кулаки. Может, вы сами соблаговолите...

Отпихнув работника заведения, жрица решительно толкнула дверь и вошла.

В раскрытое окно бил солнечный свет, казавшийся особенно ярким после полутьмы коридоров борделя. На кровати растянулась обнаженная девушка, пожалуй, даже молодая женщина, лет двадцати или чуть постарше. Лицо ее закрывали беспорядочно разметавшиеся рыжие волосы, но даже они не могли скрыть набухший под глазом лиловатый синяк. Загорелую кожу гибкого и сильного тела украшало несколько шрамов. Рядом с ней сидел подросток лет четырнадцати, в крошечной набедренной повязке с кружевами, нежный и ухоженный, вертевший в руках флейту. Мальчишка был трезв, или почти трезв; о девице сказать этого было нельзя.

– О, тетя! – слегка заплетающимся языком изрекла девица, улыбнувшись. – Как ты меня нашла? Присоединиться к нам не хочешь?

Ни слова не говоря, жрица подошла к ним и, запустив пятерню в пушистую шевелюру парнишки, выкинула его за дверь, ловко добавив ускорения коленом под зад.

– Зачем мальчика обидела, тетя? – послышался недовольный голос девицы.

Не отвечая, Аниза (а это была именно она) прошла по номеру взад-вперед. Втянула душный запах – смесь недорогих благовоний, вина и еще одного аромата, неплохо ей знакомого – который оставляет страсть мужчины и женщины.

– Вот как, значит, ты живешь, племяшка, – протянула жрица, переводя взгляд то на валяющиеся в углу явно мужские штаны, то на опустошенные бутылки и кувшины на столе, то на пару этих новомодных штучек из выделанного рыбьего пузыря, валяющихся на подоконнике, – уже использованных.

– Тетя Аниза, ну разве я не имею права развлечься? – улыбаясь, ответила девица, покошачьи потянувшись на ложе. – Я месяц таскалась с этим караваном, два раза с разбойниками дралась! Золото в казну нашей праматери-Тиамат доставила? Доставила! Значит, имею право...

– Значит, отмечаем успешное возвращение? – уточнила Аниза. – И вот ради *этого* ты отказалась от жреческого служения? Ради вот этого ты отвергла четверых... нет, уже пятерых женихов, которых я тебе нашла? Не без труда, между прочим, нашла!

– Ну вот, опять начала, тетя... – расслабленно бросила девица.

– Я тебе сейчас не тетя! – рявкнула жрица. – А ну встать, воин Храма Великой Матери Марисса!!! Встать!!! – И сунула племяннице под нос резную нефритовую пластинку. – Именем Богини – повиноваться!

Девица вскочила, растерянно вращая глазами, и даже инстинктивно попыталась отдать воинский салют.

– Дура, – заявила жрица, – забыла, что к пустой голове ладонь не прикладывают? Хотя у тебя она пустая всегда. Давай одевайся, и пошли. И поторопись. Кстати, обрадую тебя – у меня, вернее у Храма, есть дело как раз для таких, как ты.

Пока девушка, чертыхаясь, собирала разбросанные по комнате предметы туалета и вытаскивала мечи из-под кровати, жрица молча перебирала малахитовые четки, стремясь успокоиться.

Как бы то ни было, через несколько минут уже вполне одетая и почти протрезвевшая воительница уже выходила из дверей места увеселения женской плоти – одного из двух, имевшихся в столице. За ней бестолково семенил евнух, от которого не отходил мальчишка.

С неудовольствием жрица уставилась на них.

– Чего вы за нами ходите? А... Может, ты не расплатилась? – спросила жрица как бы между прочим.

Девушка замешкалась с ответом.

– Нет-нет, разумеется, нет, что вы! – вместо нее торопливо сказал скопец. – Госпожа... м-м-м... Белая Рысь всегда аккуратно платит!

– Чтоб я тебе еще раз одолжила хоть медяк! – буркнула гостья. – Ладно, пошли.

Через минуту четверо иеродулов резвой трусцой уносили паланкин прочь. Сбоку, размеренно вскидывая длинные ноги, бежала клиентка заведения, облаченная в форму храмового стража, придерживая болтающиеся мечи.

Евнух и парнишка молча провожали их взглядами. Затем старик взглянул на юнца.

– Полный трымбец, – все еще не отойдя от происшедшего, сообщил он.

* * *

– Старший воин Храма явился по вашему повелению, достопочтенная, – сообщила крепко сбитая рыжая девица, облаченная в поскрипывающую кожу.

– Это что? – повторил Торнан, обуреваемый самыми нехорошими предчувствиями.

– Моя племянница, – невозмутимо сообщила Аниза. – Познакомьтесь. Это Марисса а'Сайна а'Кебал,¹ верная слуга богини Тиамат. Несмотря на молодость, весьма достойная и опытная воительница. Воин Храма Тиамат, как вы, наверное, видите. Стала седьмой на прошлогоднем королевском турнире в поединке на мечах и одиннадцатой – в бою одна против двух. Уже знает, зачем вы пойдете, так что при ней можно говорить свободно. Она и будет тем, кто присмотрит за вами.

Честно говоря, Торнан почти не удивился, узнав о наличии у Анизы племянницы: в конце концов, у него самого была целая куча племянников и племянниц. Да и не до того было.

Девушка была облачена в короткую кожаную юбку и кожаную курточку, выкрашенные в красный цвет, поверх столь же короткой расшитой белой блузки, оставляющей обнаженным живот до талии. Парадная форма стражниц храма Великой Богини. Броская, но для реального боя не слишком пригодная.

Волосы цвета осенних листьев перехвачены пестрой повязкой. Юбка, однако, складчатая, со сборками – так что в случае чего вмазать ногой не помешает и движений не стеснит. Ножки под ней, кстати, вполне ничего – отменно стройные и прямые. Фигурка плотная, кость широкая и в то же время гибкая. (По старой солдатской привычке, он сначала оценил стати воинские, а потом уже – женские.)

Лицо ее носило суровое выражение, и вид у нее был весьма воинственный – если бы их не портили большие зеленые с желтой искоркой глаза и изящно очерченные розовые губы.

Так, два клинка – стало быть, обоерукая, если, конечно, не пускает пыль в глаза. На поясе – фалькатта двухфутовой длины, кажется, тундайской или дамастской ковки. Второй клинок, похоже, что скимитар, – за спиной. Фельтская фехтовальная школа, выдуманная на Архипелаге, – скорее не для поля боя, а для схваток между благородными. Ноги крепкие, хорошо подкачанные, а вот сапоги надо бы повыше – голень наполовину открыта. Да и голое

¹ Полное имя в большинстве стран Логрии состоит из трех частей – имя собственное, имя матери и имя отца. В женских именах используется приставка а', дочь, в мужских – ло'. Например, полное имя правящего на тот момент кильдарского монарха – Астарим ло' Регана – ло' Астарим – Астарим, сын Астарима

брюхо – глупое пижонство. Один скользящий удар – и все кишки наружу. В лучшем случае уже через сотню сердцебиений человек падает от потери крови.

В итоге Торнан пришел к двум выводам. Первый – на девицу пришлось бы потратить пару минут от силы. И второй – от подобной спутницы надо будет избавиться. И сделает это он прямо сейчас. За свою жизнь он встречал не так мало женщин-воинов, и некоторые из них действительно были неплохими бойцами. Но ни одну из них он не хотел бы видеть прикрывающей ему спину.

– Значит, вот кто будет присматривать за нами... – повторил он, покачав головой.

– Не только, – понимающе кивнула жрица. – Ей будут даны полномочия младшего посла коргианского братства Тиамат по особым поручениям, и в случае нужды вы сможете рассчитывать на помощь храмов в других землях.

– Ясно. А может, лучше поступим так, – примирительно предложил Торнан. – Я забираю Чикко, и мы вместе отправляемся за твоим жезлом. Можно даже без посольской грамоты. А ты оставляешь племяшку себе и забираешь ее в свой Дискасион... – И, заметив, как злобно напружилась девушка, добавил: – Командовать охраной твоего богоугодного заведения.

– Это исключено, – отрезала Аниза. – Она пойдет с вами – или не пойдет никто.

– Послушай, Аниза, когда ты, например, велишь повару приготовить ужин, ты же не стоишь у него за спиной и не учишь его, как жарить утку и растапливать очаг? – Торнан изо всех сил старался говорить спокойно, хотя на язык упорно лезли совсем другие слова. – Тебе за каким-то троллем нужен этот посох...

– Жезл, – строго поправила она.

– Хорошо, жезл. Ладно, я добуду его и принесу, во всяком случае – попробую. Но не вешай ты на меня еще и... – Он запнулся, не зная, как получше охарактеризовать навязываемую ему спутницу. – Дай, в конце концов, кого-нибудь другого!

– Ты напрасно сомневаешься, – сдвинула брови жрица, – Марисса, поверь, очень хороший воин.

– Да?! – издевательски хохотнул капитан. – Я вот с четырнадцати лет воюю, и то поостерегусь сказать, что я очень хороший воин. А лет мне побольше, чем твоей Мариссе.

– Тетя, а может, и в самом деле не надо? – покачала головой воительница. – Раз уж храбрый северянин так боится женщин!... – То были первые сказанные ею слова.

– Да пойми ты! – не выдержал Торнан. – Я же теперь буду думать не о том, как добыть эту дурацкую палку...

– Торнан! – возмутилась Аниза.

– А о чем? – издевательски осведомилась девчонка. – О моих ляжках?

Набрав полную грудь воздуха, Торнан уже начал было выстраивать в уме длинную заковыристую фразу, содержащую настоящий совет Мариссе поступить на работу в некое заведение, где ее ляжки несомненно будут должным образом оценены множеством достойных людей. Но лишь буркнул раздраженно:

– О том, чтобы не привезти тетке твой труп, дура!

– А за дуру можно и... – девица картинно погладила рукоять клинка.

– Торнан, я попрошу... – встревожилась Аниза, чую, что дело пахнет дракой и скандалом. – И ты, Марисса, тоже...

– Тетя, не надо. – Стражница по-прежнему держала ладонь на эфесе. – За себя я давно отвечаю сама, и с оскорблениями тоже разбираюсь сама.

– Ишь, злится, так и выхватит сейчас фалькатту да пойдет нас шинковать, – прокомментировал Чикко.

Торнан просиял – старый друг только что, сам того не зная, подсказал ему быстрое и очевидное решение проблемы.

– Ну ладно, – заявил капитан. – Согласен – гоблин с вами! Но при одном условии, – пояснил он слегка оторопевшим от такой покладистости женщинам. – Понимаешь, Аниза... Достопочтенная Аниза, – поправился он. – Мы все-таки отправляемся не на прогулку. Ты знаешь свою племянницу, я знаю тебя и Чикко, но мы с Чикко не знаем ее. Поэтому вот мое последнее слово: если она продержится против меня хотя бы малую скляницу, так и быть – беру ее с собой.

– Но... – растерянно начала было Аниза.

– Я согласна, – кивнула Марисса. – Пусть будет так. Вот это по-настоящему. Только не забудь – я побеждаю, и ты берешь свои слова обратно.

– Идет. – Торнан изо всех сил сдерживал довольную мину.

Марисса скрылась за дверью.

– Торнан, – решительно преградила ему путь Аниза, явно сбледнувшая с лица. – Ты же не собираешься...

Торнан поспешил успокоить ее. Подойдя к столу, на котором стоял изящный фарфоровый кувшин, он выхватил ятаган и молниеносно рубанул, не примераясь.

Аниза невольно вскрикнула, но грохота и звона черепков не последовало – лезвие замерло вплотную к хрупкой посудине.

– Не беспокойся, Аниза, я, кроме всего прочего, еще и отвечаю за обучение фехтованию в своем полку. Самое большее – пару синяков поставлю.

– Тогда – желаю успеха, – со странной интонацией бросила его знакомая.

Пройдя одной галереей и двумя подземными тоннелями, Торнан оказался в тесном дворике, видимо, отведенном для тренировок храмовой стражи. Небольшая арена, засыпанная плотным гравием, места для зрителей вдоль стен и широкая скамья, на которой аккуратно разложены доспехи, мечи, кинжалы.

– Одень нагрудник, – распорядился Торнан. – Не ровен час...

– Обойдусь, – презрительно бросила девушка. Тяжело вздохнув, капитан обратился к Анизе:

– Может, зря я согласился? Лучше уж посидел бы в тюрьме, чем мои подчиненные учили бы меня жить.

– Марисса, надень доспех, – строго поджав губы, приказала жрица.

Не менее тяжело вздохнув, воительница выбрала самый маленький из нагрудников. Затем, отвернувшись, скинула куртку и блузу и принялась облачаться в броню, совсем не стесняясь присутствия двух мужчин.

Аниза только укоризненно покачала головой.

Капитан отметил, что талия у девчонки не очень тонкая, но гибкая, а спина довольно мускулистая и носит на себе следы пары серьезных боевых ранений. Но все равно – может, она и бывалая, но баб ему в походе не нужно, даже самых бывалых.

– Капитан, помоги затянуть ремни, – бросила девушка, не оборачиваясь.

Торнан не двинулся с места, зато Чикко поспешил на помощь прекрасной воительнице. И неудивительно – маг не мог оторвать глаз от девушки с того момента, как она сбросила с себя куртку. Никогда в жизни не видел он такого прекрасного тела, стройного и гибкого. Сильные мышцы пластично переливались под гладкой кожей, подчеркивая прелесть ее соблазнительных форм, плоский твердый живот заставлял сладко замирать дыхание...

Измученный многодневным тюремным воздержанием, он уже представил, как сожмет это тугое мускулистое тело в объятиях, и просьба о помощи прямо-таки заставила его кинуться вперед.

– Я сказала – только затянуть ремни, уважаемый чародей. В массаже я не нуждаюсь, – прозвучало несколько секунд спустя.

– Уй-й!! – взвыл Чикко и отлетел прочь, прыгая на одной ноге.

– О, извини, я бываю такая неловкая, – мило улыбнулась девушка, оправив звякнувшую железом кирасу. – Да еще эти подковы... Ну, я готова... Кстати, пусть тогда и уважаемый Торнан наденет что-нибудь. – И добавила: – Не ровен час...

Вместо ответа Торнан взял с лавки кинжал и ударил себя в грудь. Лезвие лишь скользнуло.

– Выверна? – понимающе спросила Марисса.

– Бери выше.

Брови девушки приподнялись:

– Неужели...

– Угадала. Он самый – каменный василиск.

– Сам убил?

– Нет, это был мой призрак. Ну, начнем?

Аниза перевернула большие песочные часы.

К исходу второй минуты Торнан был вынужден признать, что недооценил навязываемую ему спутницу. Марисса металась по арене как разъяренная куница, не давая заблокировать себя, искусно отводя его удары и смело контратакуя.

Более того – трижды острое ее фалькатты проскакивало в опасной близости от его живота, и один раз оно не достало до его шеи нескольких дюймов.

Больше того – один раз скимитар вскользь ударил его в плечо, и даже через непревзойденный доспех это было чувствительно.

Аниза и Чикко заморожено смотрели на поединок. Лезвия вспыхивали солнечными бликами и звенели друг о друга в диком и мрачно-красивом танце. Противники прыгали, кружились, наступали, отступали и уклонялись от ударов, а лезвия продолжали свою пляску, не останавливаясь ни на секунду.

Ударить... парировать... рубануть... увернуться... отбить...

Короткий выпад... Длинный выпад... «Бросок саламандры»... «Аркан»... «Черный смерч»... Бесплезно. Хитрые приемы шэттова девка знала не хуже его, а преимущество в силе сводилось на нет темпом схватки. Вот если бы они были вооружены тяжелыми пехотными двуручниками или секирами, тогда конечно... Но последнее дело сожалеть во время боя об оружии, которого у тебя нет.

Капитан ринулся вперед. Выпад его был быстрым и точным, но Марисса чуть отвела свой меч – и ятаган, вместо того чтобы выбить его, лишь отбросил в сторону. Она тут же сделала шаг вперед и нанесла широкий горизонтальный удар.

Сдерживая удивленный возглас, капитан отскочил назад, и скимитар прошел на расстоянии ладони от его живота. Торнан попытался развить успех, но девушка сделала обратное сальто, ухитрившись поймать меч в воздухе, мягко оттолкнувшись и сохранив равновесие на выходе из прыжка.

Некоторое время оба ходили кругами, не сводя друг с друга глаз. Торнан держал свое оружие выставленным далеко вперед, прижав свободную руку к груди.

Она сделала выпад, но Торнан быстро отступил. Мечи скрестились дважды, и теперь уже капитан заставил ее отступить.

Марисса держала свой меч за головой, изготовив его для удара по широкой дуге. Левую руку она отвела далеко в сторону, поигрывая фалькаттой. Правильно – лишние движения неизбежно отвлекают внимание врага. Но глупо – при известной ловкости выбить клинок труда не составит.

Торнан понял, что Марисса предпочитает пользоваться скимитаром, применяя фалькатту скорее для защиты, и решил использовать это. Он принялся наносить удары с разных сторон, отыскивая слабые места в защите противницы. Сталь звенела о сталь, когда Марисса отводила выпады. Неожиданно она перешла в низкую стойку, описывая вторым клинком двой-

ной зигзаг. Прodelала она это с изумившей капитана скоростью, при этом ее слегка повело вправо, и на какую-то секунду они оказались на близком расстоянии друг от друга. Торнан взмахнул ятаганом, метя рукоятью в челюсть. Мимо.

Противники отскочили друг от друга и опять начали ходить кругами.

Торнан забеспокоился. Схватка явно затягивалась, и в песочных часах оставалась уже половина песка.

«Бесе! Ну не убивать же ее!» – промелькнуло в голове у Торнана.

Марисса снова встала в низкую стойку. Удар из нее отбить очень трудно, но вот нанести – тоже не так просто. У ловкого бойца есть возможность воспользоваться этим, и выбрав момент...

Есть!!!

Марисса перешла в контратаку.

Он выбросил руку вперед, нанося прямой удар клинком и одновременно делая выпад всем телом. Она чуть потеряла темп. И тогда он резко поменял ноги, не закончив выпада, задержал на миг свое движение вперед так, чтобы оказаться слева от воительницы и пропустить мимо фалькатту, одновременно разворачиваясь. Когда клинок Мариссы пронесся мимо, он отбросил ятаган и, подныривая под фалькатту, схватил девушку за запястье. И, рванув ее на себя, одновременно изо всех сил ударил сапогом по незащищенной голени.

В ушах еще звенело от крика боли и ярости, когда он перебросил воительницу через себя, стараясь швырнуть ее так, чтобы она упала не спиной, а боком – самое болезненное падение. И, одновременно выворачивая кисть, заставил разжаться ладонь. Меч упал ему под ноги.

Тело ее только коснулось песка, когда он, не подходя близко, левой ногой выбил из ее ладони фалькатту – сейчас не до церемоний, – и, ловко подбросив его в воздух подъемом сапога, поймал за лезвие.

Она еще пыталась сопротивляться неизбежному, рванулась было туда, где лежал меч, но со стоном распласталась на песке – Торнану даже не пришлось ставить ей ногу между лопаток, вдавливая в землю, как поступали в поединках на потеху публике.

Капитан вонзил ятаган в песок, как на гладиаторской арене, отдавая салют поверженному противнику. Подобрал скимитар, а затем, церемониально поклонившись все еще остолбенело стоявшей Анисе, протянул ей клинки.

– Чикко, сбегай наверх, принеси чего-нибудь горло промочить, – небрежно бросил он с умилением взирающему на него приятелю.

Чикко убежал, беспрекословно подчинившись команде, даже не обращая внимания на жрицу.

– Ну что ж, Аниса, твоя племянница сама согласилась с моим условием. Так что не обес-судь, но тебе придется оставить ее здесь.

– Но это было не по правилам... – слабо возразила Аниса.

– В бою нет правил, – важно сообщил Торнан. – В бою ты или побеждаешь, или умираешь. Или становишься рабом. Так что... – Он осекся.

В его спину уперлось, довольно-таки чувствительно уколов, острие. Причем не куда-нибудь, а чуть ниже шеи, как раз там, где кончалась шкура василиска.

И насколько он мог понять, его кололи его же собственным клинком.

Он медленно обернулся. Бледная, но вполне бодрая Марисса стояла, слегка пошатываясь и держа ятаган двумя руками. Держала так, что сомнений в печальной судьбе Торнана в случае чего не возникало, особенно учитывая выражение ее глаз.

– Ну как, берешь свои слова обратно?

– Но это... – начал было он.

– Не по правилам? – ехидно прозвучало сзади. – Но ведь в бою нет правил. В бою ты или побеждаешь, или... Кстати, как насчет того, чтобы стать моим рабом?

Обреченно Торнан следил, как на доньшко часов просыпаются последние песчинки.

«Ну ладно, – с тоской подумал он, – в конце концов, может, и в самом деле этого хотят боги?»

– Я беру свои слова обратно...

– И просишь прощения? – Ее голос прямо-таки источал ехидство.

– И прошу прощения. Я был не прав, – признал он. Дальнейшее было уже не важным.

С каким-то непонятным равнодушием смотрел он на тревожно кудахчущую Анизу, на Чикко, колдовавшего над девушкой и озабоченно поглаживающего налитый дурной фиолетовой кровью синяк на ноге Мариссы, на то, как потом сам фомор стащил с себя сапог и занялся собственной стопой, украшенной не менее яркой отметиной. Только когда они втроем оказались в каких-то храмовых покоях и за ними закрылись двери, он вдруг словно очнулся и понял, что вскоре ему придется идти в поход, и идти вместе с этой дикой девкой.

Ну что ж, философски отметил он. В его жизни бывало и хуже...

– Можно взглянуть на твой меч, воин? – спросила вдруг Марисса, похоже, вполне пришедшая в себя. – Я никогда таких не видела. Можешь взглянуть на мои, если хочешь...

Чикко, наблюдавший за этой парочкой, слегка напрягся. Насколько он знал из житейского опыта, обычаи, касательно отношения к оружию, у разных народов очень сильно отличались. Были среди варваров (к каковым относился и его старый приятель) и такие, для которых просьба показать клинок была равносильна просьбе потрогать за... хм, тоже в некотором смысле, за оружие.

Правда, сам Чикко отреагировал бы весьма благосклонно, случись Мариссе обратиться с аналогичной просьбой к нему, но кто знает, как отреагирует его друг?

Но маг заблуждался – для северянина просьба показать его оружие, да еще в сочетании с предложением изучить клинки воительницы, выглядела весьма достойно. Для воина (а как ни крути, Марисса взяла над ним верх) это был знак высочайшего доверия к собеседнику.

Девушка с неподдельным интересом изучала ятаган, время от времени одобрительно сдвигая брови. Его широкое, с пол-ладони лезвие имело почти три фута в длину и было заточено лишь до половины. Обух был нарочито утолщен, чтобы ятаган не сломался даже под очень сильным ударом. Простая рукоять из роговых пластин была обтянута шероховатой замшей и заканчивалась нефритовым навершием. Закаленная кромка толщиной в мизинец была приварена на лезвие обычной мягкой стали.

– Да, неплохой клинок, – согласилась Марисса, возвращая оружие капитану. – Мой первый был потяжелее. Норглинский, – она вздохнула. – Такой широкий, с долем по всей длине и витой рукоятью – на ней еще зверушки всякие вырезаны.

– Знаю, только вот сами норглинги их не очень любят. У них такими самоделками только деревенщина вооружена – юнгеры. А самые лихие бойцы так сплошь нашими мечами обзавелись.

– Странно, – пожала плечами Марисса, – чего ж за них неплохую цену дают? Я свой за двадцать монет сбагрила.

– Верно, – Торнан улыбнулся, – только вот их для чего берут? На лом. Если его перековать да закалить как надо, то неплохой клинок получается. У них руды особые – что-то в них такое есть, как кузнецы и маги говорят. А вот мастера никудышные. При случае покажу, как с ними нужно обращаться. Говорю тебе – если смотреть по клеймам, то у каждого второго мечи или с героксийских кузниц, или вообще суртские. А ихними родными мечами даже норглинский волчий доспех не сразу разрубишь – у волков северных мех прочный, почти как шкура у слонов. Так что... – он усмехнулся. – Зря, что ли, за продажу оружия в Драконьи земли на кол сажают?

Чикко вздохнул. Сейчас они начнут говорить о железках, как это любят воины, и будут говорить часами, обсуждая способы заточки сабель и разницу между «темной» и «серой» ста-

лю. Хуже вояк в этом смысле только маги-теоретики – те целые тома исписывали на тему: какой формы уши были у мифических древних эльфов (или все-таки эльфов?).

Отвернувшись, он принялся перебирать свое магическое имущество, только что доставленное из тюремной кладовой. Девка эта ему не нравилась. Нет, нравиться-то нравилась, но... Что он такого сделал? Ну, малость пощекотал, потрогал – она же не магичка, чтобы почуять *Зов Плоти*, который он ей послал, когда его пальцы соприкоснулись со спиной (ах, какая спинка!). И был-то он не слишком сильный, так, только чтобы если есть настроение... Ей что, мужики вообще не нужны? Или нужны, но не мужики?

И что-то еще в ней есть – зря, что ли, целительские заклятья так плохо шли? А он, между прочим, сначала ее ногой занимался, а уж потом – своей.

Тем временем воин и амазонка, не подозревая о терзаниях своего спутника, всецело были поглощены оружием. Девушка взмахивала ятаганом, проверяя балансировку. А Торнан вертел в руках скимитар Мариссы, время от времени отпуская односложные комментарии. Клинок и в самом деле был выше всех похвал. Легкий и гибкий, с елманью у острия, выкованный вперегиб на множество слоев, с многократным перекручиванием, что давало прочность без перекаливания и надежность без толщины. Рукоять тоже была своеобразной – ее навершие удлинилось более тонким шпеньком, давая возможность работать как одной, так и двумя руками. Эфес обтягивала шкура молодой акулы, не дававшая ладони скользить.

Клинок был совершенством в своем роде: более удобного оружия, чем скимитар, Торнану держать в руках не приходилось. Правда, не без недостатков – колоть им не так удобно, удар лучше наносить всем телом, да и время между взмахами таково, что ловкий противник может успеть заколоть ставшего беззащитным бойца. Одним словом, все те недостатки, что были у его предка – танакки, привезенной из-за моря три века назад предками нынешних измелчавших фельтов, ходивших в дальние плавания вокруг Суртии (ныне в такое верится плохо).

– Я вот что хотела спросить, – Марисса между тем внимательно изучала сброшенную на скамью куртку Торнана. – Если кожа василиска такая прочная, то как же из нее доспехи шьют?

– Есть особые мастера для такого дела, – пояснил Торнан. – Раньше больше было, целые улицы в той же Алидии или в Маке этим кормились. Теперь василиска найти не проще, чем белого оленя, так что только несколько стариков и осталось... Вообще-то никакого секрета особого нет. Выкройки из дерева делаются, а потом по ним обсидиановыми резцами обводят – дня три-четыре на один разрез. Потом сверлом с наконечником из того же обсидиана дырочки сверлят для шитья. Потом его же, василиска, сухожилиями и сшивают. Вот и все дела. Шкуру вот с него снять тяжело. Приходится пасть ему раздирать да тушу наизнанку выворачивать – как чулок снимать. Главное – успеть, пока тухнуть не начал: чуть завоняет – пропала шкура!

– А говорят, василиск может превращать людей в камень, – улыбнулась Марисса.

– Да, а потом сгрызает их, как змей Йурмунхард гранитные скалы, – хохотнул Чикко.

– Если кто-то при встрече с василиском и закаменеет, то разве что от страха, – ответил Торнан, – и я его понимаю.

– А как ты с ним все-таки справился? – Девушка с завистью погладила матово блестящую кожу.

– Повезло. Мы тогда на охоту отправились, я да приятель, сержант Гроллу, кабана выслеживать. Вдруг смотрим – прет на нас этакий валун на четырех лапках и с хвостом. Спасибо на мне доспех был охотничий, в каком на кабана или на медведя ходят умные люди. Ну, пока Гроллу его копьём держал, я на загривок запрыгнул да в глаз кинжалом успел засадить, прежде чем эта скотина меня хвостом на землю сшибла. Был бы без панциря – лег бы там с перебитым хребтом, а так только два ребра и синяк на всю спину. Сказать по правде, со страху это сделал: василиск нас в овраге зажал, и деваться было некуда. Если можно бежать, то от василиска надо бежать, потому как прикончить его очень трудно.

– Ты храбрый человек, раз можешь признаться, что тебе страшно было, – тихо сказала Марисса.

– Да вроде не трус, – согласился северянин.

– А шкуру как делили?

– Не пришлось делить, – вздохнул капитан, возвращая ей клинок и забирая свой. Нужно было делать дело, не тратя лишнего времени и не сетуя на судьбу. – Итак, Рисса, расскажи-ка нам о себе. Все же мы идем не на прогулку. Если что-то захочешь узнать обо мне или о нашем маге, спрашивай, отвечу.

– На любой вопрос? – Амазонка сунула меч в деревянные лакированные ножны.

– Да, – просто сказал капитан, глядя прямо ей в глаза. И девушка неожиданно смутилась, хотя и попыталась изо всех сил это скрыть.

– Ладно, расскажу. Только... что именно ты хочешь знать, капитан?

– Хочу знать, на что ты способна и что умеешь.

– Ну... – начала она. – Как я фехтую, ты видел сам. «Дура, неужели ты не поняла, что в настоящем бою я тебя прикончил бы уже на половине склянки?!» – подумал Торнан.

– Воином я стала в шестнадцать, так что меч ношу уже шесть лет... Мне двадцать три года... ну почти двадцать три.

– Ну, это мелочи, – усмехнулся северянин. – Я вот меч ношу с тринадцати, а лет мне побольше, чем тебе.

– А сколько? – тут же с любопытством осведомилась она.

– Двадцать девять. – И с усмешкой добавил: – Почти.

– Я бы тебе больше дала, – сообщила девушка, как показалось Торнану, с некоторым разочарованием.

– Хорошо, что ты не судья! – вступил в разговор молчавший до того Чикко.

Марисса недобро посмотрела в его сторону.

– Как нога, уже прошла? – издевательски осведомилась она.

– А твоя? – не остался в долгу маг.

– Не отвлекайся, – неодобрительно указал Торнан Чикко. – Так вот, мечами мы меряться и в самом деле не будем; лучше скажи – еще что-то ты умеешь?

Марисса задумалась.

– Умею стрелять из лука и арбалета – из лука выпускаю двенадцать стрел за четверть склянки, правда, не целясь. Из арбалета попадаю на трехстах шагах в человека.

– Еще что?

– Клинки шести видов – спада, рапира, фальчион. Еще – бой на двух кинжалах, металлические ножи, кистень, боевой цеп, – перечисляла Марисса.

– Большой или малый?

– Малый, – уточнила Марисса.

– Малым цепом лучше всего убивать кроликов и кур, – Чикко, вздохнув, внес в список еще что-то.

– Магов тоже, – парировала воительница.

– Дальше, – потребовал Торнан.

– Ну... Еще я умею лазать по скалам без ничего.

– Совсем без ничего? И даже без сапог? Хотел бы посмотреть на это! – оживился маг.

– Чикко, ну хватит, – бросил Торнан через плечо. – Так ты говоришь, можешь залезть на скалу? Как горцы, что ли? – Впервые у капитана мелькнула мысль, что навязанное Анисой приобретение не так уж безнадежно.

Марисса кивнула, не забыв одарить довольно ухмыляющегося Чикко обжигающим взглядом.

– И, кстати, могу забраться на любую стену. Даже на башню Девы залезла однажды.

Торнан с уважением кивнул – в этой древней башне, которая стояла вроде как еще до того, как заложили первый камень Корга, было триста футов.

– Правда, с кинжалами, – уточнила она. – Один сломала даже. Еще могу на одной руке висеть дольше, чем мы с тобой дрались. Еще я неплохо управляю повозкой, и даже парусной лодкой. Могу проскакать верхом целый день – хоть по лесу, хоть по дороге, хоть по горам. Еще могу идти без еды три дня, еще переплываю Сурдан туда и обратно – в верхнем и нижнем течении, – с гордостью перечисляла Марисса свои достижения.

– И в верхнем? – Торнан уловил в ее голосе маленькую запинку сомнения.

– Да, – она кивнула, а потом все же добавила: – Если честно, в верхнем – только в одну сторону.

– А готовить, шить, стирать? – деловито задал вопрос Чикко.

– Естественно! – фыркнула Марисса. – Воинам Храма слуг не полагается.

– Ну вот, хоть будет кому кашу варить, – как бы про себя сказал маг. – Да, чуть не забыл – мышей, крыс, тараканов и темноты не боишься?

– Нет, не боюсь, – даже не поморщилась Марисса. – А если кто-то из моих спутников страшится маленьких серых мышек, ему не о чем беспокоиться – я обещаю защитить его от них.

Растерянный Чикко недоумевающе взглянул на Торнана, тот подмигнул чародею: что, мол, съел?

– А как насчет боя без оружия?

– Крайг-мавен, малиновый кушак.

– «Вольный бой»? Слышал про такое. Недурно. А где изучала?

– В нашей воинской школе. Нас натаскивал сам Фетро Молот. И еще знаю два десятка приемов из «Кендай», но оно мне не особо нравится.

– А «Кабуно» случайно не изучала? – вновь подал голос Чикко.

– Изучала, представь себе, и владею неплохо, – пренебрежительно бросила Марисса. – Только вот на тебе испытывать его неохота – боюсь, не переживешь. Хлипковат.

Про такую школу рукопашного боя северянин не слышал, но не подал виду.

Ладно, будем считать, что знакомство состоялось.

– Теперь, Марисса, слушай меня внимательно. Не знаю про всякие ваши храмовые дела – послов-ослов и прочее. Но в походе и в драке ты будешь подчиняться мне беспрекословно.

– Я согласна, – четко, по-военному ответила воительница.

Торнан слегка растерялся – он уже заготовил целый ворох аргументов в казавшемся ему неизбежным споре.

– Ты более опытный воин, и я не спорю, – пояснила она. – И, надеюсь, ты не прикажешь мне согревать свою постель?

«Нет, она все-таки дура! – подумал северянин. – О боги! Ну почему ей не досталось хоть сколько-нибудь теткинских мозгов?!»

– Так вот, слушай мой первый приказ. Первое. Ты сейчас пойдешь к себе и ляжешь спать, и хорошенько выплывься. Второе. На все про все тебе дается неделя. Завтра, как встанешь, начинай собирать все, что сочтешь нужным. К вечеру седьмого дня будешь готова. И – подберешь себе нормальную одежду. Штаны там, куртка теплая, свитер. И обязательно нормальные высокие сапоги.

– Ясно. А куда приходиться-то?

– Ладно, я сам за тобой найду.

– Вот язва! – хихикнул Чикко, когда за девушкой захлопнулась дверь. – Ох, наплачемся мы с ней...

В душе капитан был склонен согласиться с Чикко, но счел необходимым поставить ехидного мага на место.

– А ты, дружище, лучше б, вместо того чтобы к Мариссе цепляться, подобрал себе оружие. Не на прогулку ведь идем.

– Торнан, ты же знаешь, – неуверенно улынулся Чикко, – оружие меня почему-то не любит...

– И ты отвечаешь ему взаимностью?

Чикко с готовностью закивал.

– Да и потом, – я же все-таки маг, а не воин.

– Хлеб ты тоже магией резать будешь? Уж по крайней мере кинжал ты у меня будешь носить. Чую, предстоит нам дальняя дорога, а во многих местах если при тебе оружия нет, то ты не человек, а так, полчеловека...

Глава 5. ДНИ ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ

Торнан проснулся от того, что утреннее солнце светило ему прямо в лицо.

Приподняв голову, он оглядел свою келью, на полу которой ночевал, устроившись на мягком тюфячке, судя по запаху благовоний, вьевшихся в шерсть, принадлежавшем какой-то молоденькой жрице.

Он вздохнул – уж больно приятным был сон. Снилось ему Аниза во всяких видах...

В комплексе главного храма Тиамат в Корге народу сейчас почти не было. Множество жриц-насельниц разбрелось до поздней осени по стране, да и за ее пределы: собирать пожертвования для храма, справлять свадебные торжества в деревнях, лечить, подбирать брошенных детей и творить прочие добрые дела. В храме остался лишь десяток жриц да еще служки. Собственно, кроме Анизы и еще полусотни охранниц, тут почитай никого и не было.

Наскоро сполоснув лицо у коновязи, Торнан направился к трапезной, в чайнии чего-нибудь перекусить.

Внимание его привлекли голоса, доносящиеся из лекарского корпуса. Визгливый дребезжащий голос старой Герны, главной составительницы лекарств, перемежался ехидными восклицаниями Чикко.

– Да, я варю зелья подольше, чем ты, недомерок, живешь на свете! И это честные старинные зелья, освященные мудростью Матери Мира! Да, именно так, а не всякая фоморская пакость!

– Да пойми ты, старая кошелка, это всего-навсего трава! Какая разница, кто это придумал! И если хочешь знать, мой народ владел мудростью, когда твои предки пасли в дальних степях баранов, отгоняя от них волков каменными топорами...

Торнан усмехнулся. Уже несколько дней Чикко завладел лекарственной лабораторией Герны и занимался приготовлением разных магических порошков и эликсиров, которые должен был захватить с собой. Вообще-то официально он должен был поведать храмовым травникам кое-какие фоморские секреты и честно пытался это сделать, надо отдать ему должное. Но напрасно – Герна видела в нем врага и шарлатана, полагая, что сама кого хочешь научит.

Однажды, когда она оскорбила его особенно крепко, он даже предложил ей поединок на ядах, и Анизе пришлось улаживать конфликт лично. Впрочем, как и всякий дикарь, Чикко был отходчив и незлопамятен. Кстати, он был уже не какой-то безродный шаман, а иерофант храма великой богини. Так было нужно для затеянного ими дела. Да и Торнан, хотя и не был уволен из Стражи Севера, находился теперь на службе у Коргианского соборного храма Великой Матери, будучи отпущен на оную службу «на срок, потребный храму для совершения дел, храма касающихся». Так гласила грамота, показанная ему Анизой. Про некрасивую историю в «Королевских рогах» там даже не упоминалось. Так что все основания быть довольным у него имелись.

Еще Торнан был доволен, что Марисса не живет с ними, а пропадает в городе. Успеют еще друг другу надоесть в походе.

Старый кухарь, немой раб (а может, и не раб), выдал Торнану его завтрак – кусок окорока и четверть большого каравая с оливками. Наскоро поев и запив корм холодной водой, капитан отправился обратно в келью и занялся делом.

В очередной раз он перебрал бумаги. Карты, отрывки из летописей, какие-то древние пергаменты и папирусы, коряво начерченные планы зданий и городов, старые записи с незнакомым, архаичным начертанием букв. Торнан в очередной раз благословил Тарну – ту бесшабашную купчиху, что когда-то, в промежутках между уроками любви, научила его бегло читать на нескольких языках.

Часть бумаг он отложил – там, где требовались знания магических штучек: пусть их посмотрит Чикко. Кое-что – там, где дело касалось всяких священных и божественных заморочек с Тиамат и прочими небожителями, – требовало совета Мариссы. Но вот все, что касалось маршрута их предстоящего похода – вот тут помочь ему было некому, да и не рискнул бы капитан просить совета в таком деле: боком выйти может.

К началу третьей дневной стражи Торнан почувствовал, как начинает трещать голова. Хотя и научившись водить в бой сотню и даже манипул, все же он по натуре оставался волком-одиночкой, бойцом, а не командиром. И в который раз он думал, что ему было бы проще, отправься он в это путешествие сам, даже без закадычного приятеля-мага.

Но чему быть – того не миновать...

Жезл, вернее его части, могли быть спрятаны в семи местах. Причем места эти были разбросаны без малого по всей Логрии – от хребтов и пустынь Дагарры и Южного Эльгая до жарких побережий Уттицкого царства. И сейчас Торнан решал задачу, как пройти все семь мест наикратчайшим путем.

Для этого он еще утром отрядил Чикко в книжные ряды, чтобы тот приобрел самое полное описание всех этих земель, какое найдет, и заодно – карты их области мира: побольше и не торгуясь. Чикко вернулся, нагруженный книгами и свитками, ворча на дороговизну. Не стесняясь, он сообщил, что надеялся выгадать несколько монет, чтобы вечером навестить девочек и хоть немного наверстать упущенное за недели тюремного воздержания, но тутошние книжники, похоже, дадут сто очков вперед картагунийским ростовщикам.

(Правда, когда он показал Торнану список магических снадобий и всего прочего, который составил, да еще с цифрой внизу, сколько это стоит, пришел черед сетовать уже капитану.)

Сейчас дорогие карты были безжалостно исчерканы углем и небрежно брошены на пол. И капитан вынужден был признать, что труды его были почти напрасны.

Самый короткий маршрут оказывался самым трудным, самый легкий и быстрый – самым опасным, самый безопасный – самым медленным и неудобным. Торнан пытался было комбинировать, соединяя достоинства различных планов. Не помогло: почему-то всякий раз происходило наоборот – шансов пройти хотя бы до середины у них было меньше, чем у кролика – сходить в гости на волчью свадьбу и вернуться живым и невредимым. В нескольких местах тлели войны и смуты. В других, как говорили, до сих пор обитали древние нехорошие твари и нечисть. В третьих на дорогах не было житья от разбойников, обнаглевших до того, что они открыто выходили к караванам и требовали плату за проход. В четвертых... В седьмых...

И это не говоря о том, что большая часть карт была не самого лучшего качества. Проще говоря – хуже некуда. Уже беглый взгляд капитана отмечал ошибки в определении дней пути и направлений. Да и вообще их составляли хотя и со слов знающих людей, но книжники, сами никуда из своих городов не выезжавшие.

Вот хоть этот чертеж – это ж надо было написать, там где живут айханы: «Место обитания породы сильных собак!» Спору нет, собачки там действительно неплохи, но вот не дай боги и демоны кому-нибудь отправиться туда их покупать...

Да еще два из возможных мест упокоения жезла находились не где-нибудь, а в Восточных пределах. А добираться туда... Как знает всякий, между основными землями Логрии и ее восточной частью пролегли непроходимые Рихейские горы, на чьих вершинах никогда не тают снега. И единственный удобный путь сквозь них, через перевал Карат, уже двести с лишним лет как разрушен Великим Землетрясением. Так что попасть туда можно тремя способами – либо морем, обогнув Ликонский полуостров, либо через северные земли даннов, либо высокогорными пастушьими тропами (если не очень боишься смерти). Сам Торнан пришел в эти края, кстати, именно через хребет, но было это много лет назад, он был тогда молод и глуп, и те несколько недель были не самыми лучшими в его жизни.

Древние герои в сказках в таких случаях садились на доброго коня и ехали напрямик к цели. Последовать их примеру? Да, как говорится в тех же былинах: «Тут ему, молодцу, и смерть пришла». Торнан еще в ранней юности на своем опыте понял, что прямые пути не всегда самые короткие – чаще как раз совсем наоборот.

Поэтому придется примеряться к направлению караванных троп и протяженности трактов, бродам и мостам; к течению рек, к сезонным ветрам и скорости хода кораблей. Выбирать, проехать еще лишних сто лиг, добраться до реки и, сев на паром, спокойно переправиться или пересекать двадцать лиг какого-нибудь Чернолесья с его буреломами, болотами, и вурдалаками... Думать, идти ли через славный бунтами и смутами Синий Берег или плыть в Гвойс, что и дальше, и куда как менее удобно.

И так далее, и тому подобное.

Пожалуй, будь у капитана возможность взять с собой – на всякий случай – сотню конных воинов, будь у него довольно золота, чтобы, не считая, покупать новых коней взамен сдохших, да еще имей он грамоту не храмового посла, а нормального королевского – можно было бы и рискнуть.

Но ничего этого не было, а кроме того, все надлежало совершить в глубокой тайне.

Он еще раз просмотрел карту Логрии. Семь мест. Подземные катакомбы возле руин мертвого города в пустыне Тэр и непонятная Часовня Второго Брата у самых границ Кильдара. Соборный Храм в столице Даннелага. Урочище Мертвой Змеи – это уже за хребтом. Храм Дочери в Алаваре...

Немолодой служка появился в дверях его каморки, оторвав от дела.

– Капитана Торнана желает видеть благословенная Аниза, – сообщил он кастратным фальцетом, хотя редкая бороденка свидетельствовала, что все части тела у него на месте.

– Хорошо, иду. – Ант отодвинул карты. Поднявшись следом за писклявым в жилое крыло, он толкнул дверь, беззвучно распахнувшуюся на хорошо смазанных петлях. Как только Торнан вошел, его сапоги утонули в толстом ковре, синем с вытканными серебром дельфинами. Он почувствовал запах знакомых духов. Капитан поднял глаза и встретился взглядом с той, которая предпочитала эти духи. Ее вкусы не изменились за прошедшие годы.

Аниза отступила в сторону.

– Входи, дружище. Я все думала, когда же ты наконец соберешься навестить меня.

Торнан вошел в покои. В комнате был тот изящный беспорядок, что отличает жилища богатых и безалаберных людей. У окна из белой фаянсовой чаши лакал молоко рыжий кот в серебряном с чернью ошейнике.

– Добро пожаловать в мое скромное жилище, Торнан. – Аниза сняла с кресла еще одного кота, трехцветного. – Садись, чувствуй себя как дома.

– Я рад слышать это, – сказал он, придав лицу благодарное выражение.

Хозяйка принарядилась: длинное платье до пола открывало плечи, по бокам шли разрезы до талии, скрепленные золотыми застежками, украшенные жемчугами и сапфирами.

– Присаживайся, Торнан, – повторила она.

Он двинулся было к креслу, но наглый котище тут же вскочил обратно, показывая всем видом, что не намерен уступать место чужаку. Можно было, конечно, сбросить хвостатого нахала на пол, но кто знает, что скажет хозяйка? Капитан огляделся. В обшитой панелями розового падуба комнате единственным местом, где можно было сесть, кроме кресла и стола, являлось ложе из эбенового дерева с пурпурными подушками, с балдахином, вышитым серебром. Перехватив его взгляд, Аниза приглашающе похлопала ладонью рядом с собой. Но все же не совсем рядом. Он сел – ровно там, где она указала: не дальше и не ближе.

– Ты, наверное, хочешь знать, как идет подготовка к походу? – начал он.

– Нет, я доверяю тебе – ты ведь более опытен в таких делах. Если только тебе не хватает денег...

– Нет, спасибо, золота достаточно.

– А сама затея у тебя не вызывает сомнений?

– Теперь уже поздно что-то менять... – пожал он плечами. – Хуже нет бросать начатое дело и все переигрывать.

После раздумий над ситуацией он предложил способ избежать возможного постороннего внимания. Они отправятся как бы не за жезлом, а с поручением в один из окраинных храмов Тиамат. Посол из числа храмовых воинов с двумя сопровождающими – мелким иеродулом-лекарем и телохранителем-наемником – не должен вызвать подозрений ни у кого, включая служителей храмов: Аниза и ее неназванные друзья предполагали, что у их неведомого противника могут быть глаза и уши и среди жрецов Тиамат. При всем этом они не должны будут слишком часто пользоваться гостеприимством храмовых подворий по пути и категорически не извещать о себе служителей богини в тех местах, где будут искать жезл.

– А с Мариссой у тебя как отношения? – осведомилась она

– Благополучно, слава богам, – сообщил Торнан. – Она говорит, что хоть завтра готова в поход.

– Да знаю уж, она всегда готова... – непонятно бросила жрица.

– А я и не знал, что у тебя есть племянница, – сообщил он зачем-то.

– А я ее вам и не показывала, – пожалала она плечами. – Сам должен понимать, почему. Да и вообще: она тогда в жреческой школе училась, а я кто была? Вот, думала, вырастет, станет Повелительницей Алтарей, а вон как получилось... – Застарелая печаль прозвучала в ее голосе.

Повисло молчание. Торнан поднялся, шагнул к двери.

– Погоди...

– Есть еще что-то?

– Да так... Сухая мелочь...

Аниза встала, и ее руки поднялись к застежкам платья. Ловкие пальцы вмиг справились с фибулами. Быстрое движение плеч, и платье соскользнуло на ковер.

– Ты знаешь, что делать дальше? – спросила она.

Аниза, набрав в пригоршню воды, плеснула себе на великолепную грудь.

На шее у нее было жемчужное ожерелье с рубиновой подвеской, покоящейся в глубокой ложбине между ее грудей, которые были такими же впечатляющими, как в дни их первого знакомства. Больше ее тело не было прикрыто ничем.

В большой круглой мраморной ванне, где поместились бы не только Торнан с Анисой, эта женщина могла бы показаться человеку, склонному к поэзии, прекрасной жемчужиной в раковине. Но Торнану такое сравнение в голову не пришло. Он думал о другом.

Если Анисе добавить несколько лет, то Торнан вполне мог бы быть ее сыном. Но смотрелась она от силы его ровесницей. Белоснежную атласную кожу еще не избороздили морщины, а в иссиня-черных волосах не видно ни одной седой пряди.

Выбравшись из мраморной емкости, Аниза убежала за занавеску и вскоре вернулась с парой серебряных кубков и кувшином. Из кувшина она налила вина в кубки, не пролив ни единой капли.

Торнан взял протянутый кубок и отпил. Вино было превосходным. Как и все в жилище Анисы. Как и сама хозяйка.

– Я вот как раз собираюсь тебе сказать, насчет третьей награды... – сообщила Аниза, пригубив вино. – Когда вы вернетесь, я думаю назначить тебя начальником охраны Дискалина.

– То есть?

– Ну, начальником охраны моей школы. Мне почему-то кажется, что нам следует почаще видеться.

– Да нет, я понял... но...

– Что тебя беспокоит? На нашу школу уже лет пятьдесят никто не нападал. Самое большее, что тебе придется – гонять безмозглых нищих дураков, вообразивших, что они влюблены в моих воспитанниц... Что ты замолчал?

– А ты ревновать не будешь? – только и спросил он.

– Дружок, ты еще не забыл, кем я была? Ревнивая шлюха – это все равно что распутная девственница! – жестко усмехнулась Аниза.

И вновь он почувствовал дистанцию между бывшей гетерой и капитаном. Между жрицей Тиамат пятого ранга и варваром с Востока.

– К тому же, – она вдруг усмехнулась почти добродушно, – моим девочкам будет очень полезно узнать, что такое настоящий мужчина! Так ты согласен? Или откажешься?

– Разве я похож на дурака? – поинтересовался Торнан.

– Вот и хорошо. Ты хочешь со мной поговорить еще о чем-то?

– Да... то есть... Вообще-то...

– Ну ты прямо как какой-нибудь малолетний ухажер, который в первый раз пришел к потаскушке в веселый дом и стесняется просить – сколько это стоит? – изрекла Аниза. – Да еще думает-гадает – хватит ли стянутых у папашки денег?

Торнан выругался про себя. Аниза как никто умела поставить его на место.

– Нельзя ли все-таки куда-нибудь девать твою племяшку? – выдал он наконец.

– Торн, это не вопрос, – очень сухо сказала жрица, каким-то образом сразу отделившись от собеседника на должную дистанцию. – Она идет с вами.

– Аниза, ты понимаешь – она может не вернуться... – начал Торнан.

– Я знаю, – коротко ответила она. – На все воля Богини. Это ее судьба, и никто, кроме меня, не хотел больше, чтобы она была другой. Она так решила, а характер у нее... Будь у меня ее характер, я, может, была бы королевой Килльдара... – Аниза улыбнулась. – Так-то, друг!

– Пороли ее в детстве мало! – прокомментировал северянин. – А еще лучше – посадила бы ты ее в кладовку этак на неделю на воду и хлеб. Быстро б поумнела!

– Пробовала, – печально сообщила жрица. – Еще когда куртизанкой была. Держала ее точно так, как ты сказал – в подвале на привязи, – после того, как она из храмовой школы бежала. Тогда у меня совсем крышу снесло. Видел у нее шрам на предплечье?

Торнан кивнул. Серьезный шрам, как будто хорошо рубанули фальчионом.

– Так вот – это она пыталась перерезать себе вены осколком кувшина. Несколько часов пилила – хорошо я тогда вовремя пришла... На все воля Тиамат, – повторила Аниза. – Но я очень хочу, чтобы она – и ты – вернулись живыми.

Глава 6. В ДОРОГУ

Несколько предыдущих дней Торнан посвятил обходу рынков и базаров, чтобы купить все необходимое.

Он купил легкую кольчугу для Чикко – на всякий случай. Ни от стрелы в упор, ни от меча не защитит, но скользящий удар ножа отразит.

Он нашел себе отличный плащ из тонкого войлока – серого, некрашеного. Неброско, зато тепло, и воры не польстятся. Купил еще всякие мелочи, которые в походе взять будет неоткуда.

Но главное было, конечно, не это. Лошади! Вот что предстояло поискать...

За три дня он обошел все четыре конских рынка столицы, приценился, наверное, к сотне скакунов. Коней выбирал старательнее всего. Ведь от них будет зависеть не то что успех – жизнь.

Как известно, есть две основных разновидности верховых лошадей – те, что могут идти долго, но особой резвостью не отличаются, и те, что могут развивать дикую скорость, но лишь на не слишком больших расстояниях. И если тебе нужно кого-то догонять, лучше взять коня первой разновидности, а если убежать – то второй: главное, оторваться от врага, а там уж посмотрим...

Судя по всему, им гоняться ни за кем не придется – пресловутый жезл, может, и сильно волшебный, но вряд ли даже у него за прошедшие века отросли лапки.

А вот убежать, вполне возможно, случай представится, и не один.

В конце концов, когда времени уже было в обрез, Торнан остановился на трех кобылах-четырёхлетках дохаллской породы. Неказистые и не слишком резвые, зато крепкие, выносливые, неприхотливые и послушные. Все три были славно выезжены, все умели ходить в строю и караванах, и никто из них не скалился зло и не щелкал зубами.

Это, пожалуй, главное: неизвестно, как держится в седле Марисса, а уж Чикко...

Был соблазн взять хотя бы пару заводных коней, но Торнан сдержался. Трое путников при пятерых конях привлекут внимания заведомо больше, нежели трое путников и три лошади. Причем внимания как конокрадов, так и, возможно, тех самых неведомых врагов, которые мерещатся Анitze и ее друзьям.

Чутье, впрочем, подсказывало ему, что назад они в любом случае вернутся совсем на других конях... если вернутся.

Убедившись, что барышник доставил коней в конюшню «Зеленого барана», куда они с Чикко перебрались пять Дней назад, Торнан посетил улочку шорников, где, отчаянно торгуясь, приобрел четыре седла – одно запасное. Не были забыты и запасная сбруя, и большие седельные сумы-хурджины. Добавив с кислой миной пару монет, чтобы товар принесли в тот же «Зеленый баран», Торнан перекусил чем Дий послал в трактирчике на той же улочке и направился по вечеряющему городу в квартал, где обитала Марисса.

Жила она в опрятном глинобитном домике за высоким забором из кусков ракушечника. При домике имелся даже крошечный садик – несколько кустов, ореховое дерево и запущенная клумба.

Воительница храма ждала его, уже собравшись, сидя на двух увесистых мешках, заставивших его фыркнуть.

Мебели в домике не было никакой – пол, застланный коврами, и груда подушек – по обычаям кочевников. Домик в одном из самых тихих и приличных кварталов – у него бы денег на такое, может, и хватило бы, хотя вряд ли.

– Красиво живешь, – сообщил он ей. – Дорого тебе это встало?

– Если бы! – пожалала она плечами. – Это имущество храма. Я же все-таки что-то для Тиамат сделала? Пошли...

И подхватила мешки, словно они и не весили ничего.

Хотя темнота еще не опустилась и небо было не черным, а лишь темно-синим, народу на улицах было немного, хоть Корг и отличался тем, что жизнь в нем не замирала и ночью. Торнан слегка удивился, но вскоре бросил думать об этом, всецело посвятив свои мысли завтрашнему походу.

И вернулся к действительности, когда дорогу его спутнице преградил упитанный стражник, растопыривший лапы.

– Эй, девка, почему в столь поганом виде? Кто тебе позволил надеть штаны?! – прорычал он нечто непонятное.

Марисса торопливо достала яшмовую пайцзу воина храма.

– Ну и что? – издевательски осведомился страж порядка, – Где тут написано, что тебе можно носить мужскую одежду?

Торнан решил, что пришла пора вмешаться. Распахнув плащ, чтобы был виден офицерский знак, он неторопливо двинулся на стража.

– Она со мной, – бросил он. – Пошли, Рисса.

Но страж не унимался:

– Так ведь, господин капитан, извольте видеть – девка в штанах! Грех против естества!

Секунду-другую подумав, не сунуть ли попросту толстяку в рыло, Торнан решил обойтись без рукоприкладства. Тем более стражник был явно и непроходимо глуп (иначе бы не стал спорить с армейским капитаном).

– Разве ты не знаешь, что по указу его величества Астарима Шестого женщина, сопровождающая офицера рангом от поручика и выше, имеет право носить штаны? – сурово осведомился он.

– Никак нет, виноват! – растерянно сообщил стражник.

– Теперь будешь знать. Кр-ру-гом! Шагом марш!... Как это понять? – спросил он у Мариссы, когда они отошли.

– Сам же приказал надеть шаровары, – раздраженно бросила девушка. – И вообще, не знаю, что на них нашло? И впрямь мужскую одежду нам носить нельзя, но сколько себя помню, на это уже и обращать внимание перестали.

Подумав, Торнан стянул плащ и решительно набросил на плечи Мариссы.

– Мне неохота выяснять отношения со стражей...

– А что, такой указ действительно есть? – спросила она немного погодя.

– Может, и есть, только вот я о нем не знаю...

Они без приключений добрались до «Зеленого барана». Марисса чуть отстала во дворе. Торнан уже собирался открыть дверь, когда услышал позади:

– Почему в штанах, шлюха?!

И следом – сдавленный вскрик, похабную брань и совсем не героический женский визг, в котором смешались злоба и отчаяние.

Он обернулся, инстинктивно кладя ладонь на эфес ятагана.

В свете горевшего у конюшни костра ему предстало следующее зрелище. Двое стражников держали Мариссу, Умело заворачивая ей руки за спину. Еще один деловито извлекал из ножен клинки. Четвертый в этом всем участия не принимал – скорчившись, он держался за низ живота, жутко выкатив глаза от боли.

Марисса отчаянно извивалась, рвалась изо всех сил, пытаясь освободиться, старалась ударить противников ногами. Тщетно – эти ребята имели большой опыт в таких делах, и из их рук было очень непросто выскользнуть, в свое время Торнан не раз испытал это на себе. Нехитрый вроде захват полностью лишал возможности сопротивляться. Без труда стражники уклонялись от коленей и каблуков растерявшейся воительницы, гнусно похохатывая.

– Может, – предложил один, – снимем с нее штаны да пустим по улице, чтобы честь понимала?

– Лучше оттащим в кордегардию да объясним, что к чему! – зло бросил второй. – Особенно Блум – вот сейчас хозяйство приведет в порядок...

Поняв, что терять времени на объяснения смысла нет, а следует действовать быстро и решительно, Торнан распахнул плащ и четким строевым шагом подошел к забеспокоившимся стражам порядка. Ноздри его раздувались в непритворном гневе, глаза сверкали.

– Па-ачему творите бесчинства?! – рявкнул он, как на плацу.

– Да мы вот... – начал оправдываться кто-то.

– Ты как стоишь перед офицером, мурло?! Где ваши щиты? Почему пьяные уже в начале стражи?! – рыкнул Торнан. – Распустились тут! Или столица надоела? Так я живо помогу – меня как раз за пополнением прислали. Норглинги вам быстро мозги вправят!

И, не давая стражникам опомниться, вырвал Мариссу из их рук и нарочито грубо потащил в дом.

– Да чтоб эта королева Сабина... – прошипела Марисса в холле, массируя руку.

Но при чем тут королева, Торнан так и не узнал, ибо именно в этот момент сверху по лестнице скатился немолодой мужик в форменной шляпе городской стражи.

«О, Шэтт!!!» – только и подумал капитан, и предчувствия его не обманули.

– Ых! Почему в штанах?! – рявкнул стражник, хватая девушку за куртку.

Терпение северянина лопнуло.

Удар кулака в печень заставил стража порядка влипнуть в стенку и медленно сползти вниз. Пожалуй, Торнан слегка поторопился, ибо сразу вслед за стражником по лестнице спускался его начальник – худощавый тип с породистым лицом истинного кильдарианца благородных кровей, в чине поручика стражи.

– Да ты сдурел, инородец?! – выкрикнул он при виде стонущего стражника, но тут же разглядел офицерскую бляху. – Извиняюсь, капитан, – сухо бросил он. – И чем же вам не угодил Пукус?

– Он спросил, почему я в штанах, – как можно спокойнее ответил Торнан, закрывая собой благоразумно отступившую в тень Мариссу. – Видимо, он не догадался, что я их всегда ношу. А я ненавижу дурацкие вопросы. И вообще, поручик, вы плохо следите за своими людьми – можно подумать, им платят жалованье за то, что они шатаются пьяными по городу.

– Жалованье, – зачем-то раздраженно повторил поручик, уволакивая пошатывающегося подчиненного.

– Что там произошло, господин офицер? – осведомился у него попавшийся навстречу управляющий, когда они поднялись к себе на третий этаж.

– Да так, поучил уму-разуму одного наглого типа из стражи...

– Да, – согласился управляющий. – Стража наглеет день ото дня, а сегодня так они вообще злы как бесы, и умные люди стараются без нужды не выходить из дому.

– Почему же стража злая? – осведомился Торнан.

– Им выдали задержанное жалованье, – пояснил кабатчик.

– Ай-я-яй, – покачал головой капитан. – А что, они предпочитают служить бесплатно?

– Да нет, – кабатчик оценил юмор. – Просто оно чуть не вполтину меньше прежнего.

В казне, говорят, денег нет.

– Тогда понятно. Ладно, пошли, – дернул он Мариссу за плащ.

Вскоре они уже располагались в номере Торнана. Чикко высокомерно поглядывал на Мариссу, а она лениво изучала рисунок ковра на стене.

– И где я тут буду спать? – поинтересовалась она.

– Спать еще рано. Это твои вещи? – Торнан пнул мешки. – Все, что собрала в дорогу?

Марисса кивнула.

– Добро. Давай, вытряхивай все – будем пересчитывать. Чикко, тебя тоже касается.

* * *

– И зачем это тебе?

Торнан недоуменно встряхнул переливающийся сверток. В его руках развернулась тонкая шелковая туника кремово-розового оттенка.

– Это ночная сорочка.

– Км-хм, – многозначительно кашлянул Чикко, сосредоточенно перебиравший склянки с эликсирами и порошками, извлеченные из колдовской сумы.

Торнан скрестил руки на груди.

– Вообще-то, – лениво протянул он, – боюсь тебя огорчить, но большую часть пути нам придется спать в одежде. И даже в сапогах, – добавил он, вспомнив, как однажды на привале, после пяти суток погони, позволил себе стащить казавшиеся уже пудовыми сапоги, и как потом пришлось босиком удирать по лесу – норглинги, как у них принято, внезапно атаковали их бивуак.

– Все равно. В шелковом белье не заводятся блохи и прочие кровососы. Она ведь совсем легкая, – взмолилась Марисса.

– Ну, если против блох...

Ночнушка была амнистирована, но вытащенная следом бритва сперва вызвала у капитана легкое недоумение. Он было уже хотел задать вопрос, на кой бес это ей нужно, но догадался сам. Для проформы раскрыл бритву и уважительно прищелкнул языком. Небольшое лезвие, упрятанное в рукоять черного дерева, было отковано из темного струйчатого булата и имело также острие. Им можно было бриться без воды и мыла, а при нужде – использовать как оружие.

Сам-то Торнан по старой привычке пользовался дешевыми костяными, с вставками из обсидиана...

Бритву он тоже решил оставить.

– А это что?

– Мыло, – почему-то замешкавшись, ответила девушка. Ароматный кусок с красной полоской полетел в кучу лишнего барахла. Молча Марисса положила его обратно.

– Не понял, – озадаченно осведомился Торнан.

– Это особое мыло, – усмехаясь, просветил его маг, оторвавшийся от увлекательного занятия – попытки пристроить колдовскую книгу в заплечную суму.

– Волшебное, что ли?

– Не-а, – ухмыльнулся Чикко. – Для интересных мест...

И тут же быстро нагнулся, уклоняясь от брошенного ему в лидо «интересного» мыла.

– Слушай, Торнан, а если мага подхлостить – он колдовать сможет? – возмущенно спросила Марисса. – Я вот думаю: ты же сказал, что нужно освободиться от лишнего груза, а магу шулята вроде как ни к чему.

Тем не менее мыло, как и четыре пузырька с благовониями, были беспощадно брошены в общую кучу – ко всему остальному барахлу, в том числе трем магическим книгам Чикко. Мариссе удалось отвоевать лишь один – самый маленький. Зато еще один флакон, выточенный из цельного кристалла кварца, с какой-то печатью, она прямо-таки вырвала из рук Торнана.

– Знаешь, сколько оно стоит? Мое жалованье за два месяца!

– Да на кой Хургал тебе сдались эти духи! – вспыхнул капитан. – Ты бы еще трюмо притащила!

– Это... снадобье, чтоб не забеременеть, – смущенно сообщила девушка. – Надежное и безвредное. На всякий случай.

Торнан сдержался, зато вновь высказался Чикко:

– Ты чего – на целебные воды едешь прохладиться? В Вейю аль к Светлым Водопадам? Если на то пошло, я на тебя такое классное заклятье наложу, что ты еще сто лет никаких проблем с этим делом знать не будешь!

– Мне сто лет не нужно, – в запале бросила она, – и заклятья на меня не действуют! Ой, – Марисса прикрыла рот рукой, словно стараясь запоздало поймать вылетевшие слова.

Чикко громко и протяжно присвистнул.

– А я-то смотрю, что у девчонки в ауре непонятное такое? – хлопнул он себя по лбу.

– Поэтому Аниза тебя посылает? – спросил Торнан.

– И поэтому тоже... И по тому, и по этому, – было видно, что девушка не желает развивать тему.

– Так, ладно, – Торнан решил не настаивать, хотя эта тема его интересовала, как и все, что касалось спутников в будущем тяжелом походе. – А вот это... – он вытянул из второго мешка футляр промасленной кожи. – Ух ты!

– Что там? – вытянул шею Чикко. – А, лук...

Да, это был лук. Что называется, всем лукам лук! Ничего похожего Торнан никогда не видел. Это был не какой-то из знакомых ему луков. Не простой тисовый – самый любимый в Логрии. Не ясеновый норглингский. Не склеенный из кости и высушенного можжевельника, украшенный степной резьбой. Не горский – целиком из турьего или оленьего рога. Не лакированный, обманчиво хрупкий, привезенный из дальних восточных земель. Даже не выполненный из разноцветной древесины заморский, которые изредка привозят из страны меднокожих купцы, отваживающиеся плавать туда – тетива его сделана не из жил, а из волокон тамошней пальмы, прочнее которых в мире не сыскать.

С любопытством, переходящим в уважительное удивление, изучал Торнан оружие Мариссы. Потянул тетиву, отметив сильный и в то же время мягкий натяг.

Плечи лука были собраны из тщательно обточенных пластин черного дерева, каждая из которых с одной стороны снабжалась стальным насадками, куда вставлялась следующая и фиксировалась специальным шнуром. При нужде его можно было легко разобрать и так же быстро собрать.

Основание, инкрустированное слоновой костью, имело треугольную прорезь для стрелы и было снабжено рукоятью, подобной эфесу клинка, защищавшей кисть от удара тетивы. Было даже что-то вроде прицельной планки. Но главное – это тетива. Сплетенная из нескольких тонких стальных проволочек, она крепилась к «наперсткам», на одном из которых сидел миниатюрный вороток, чтобы ее можно было без усилий и мучений натянуть.

– М-да, не хотел бы я сражаться с войском, в котором у лучников вот такие вот изделия, – сообщил он Мариссе, возвращая оружие.

– И не придется, – обнадежила его амазонка. – Он сделан по особому заказу, для князя Торо.

– Тебе подарил его сам князь? И за что, если не секрет?

Северянин недовольно посмотрел на Чикко, но лицо того было сама невинность.

– Это трофей, – коротко сообщила Марисса, разбирая оружие.

На этом перебор имущества закончился. Воительница все же не могла успокоиться и решила сорвать зло на маге.

– Что это за склянки у тебя? – осведомилась Марисса, глядя на все еще копающегося в куче предметов фомора. – Как будто ты аптеку обокрал. Или думаешь по дороге лекарствами торговать?

Чикко не обиделся.

– Если хочешь знать, то все, чем торгуют ваши аптекари, по большому счету, выдумали мы, чародеи. Это сейчас каждый цирюльник, только и умеющий, что пускать кровь когда надо

и не надо, лезет во врачи. А прежде шаманы были и мудрецами, и заклинателями духов, и лекарями.

– Но все-таки, зачем все это?

– Видишь ли, – важно сообщил фомор, – тут все имеет свое назначение. Вот это, – он встряхнул небольшую лаковую коробочку, – снадобье, которое дает возможность видеть в темноте многие часы. Сварено из рыжих мухоморов.

Марисса уважительно покачала головой.

– Это – горное мумие, – указал он на небольшой глиняный горшочек. – Срастит в пять дней сломанную кость и затянет глубокую рану, даже такую, какие оставляет граненое лезвие. Вот здесь, – его палец любовно погладил мутное стекло сосуда, – лекарство, что выгонит из тела желудочную хворь: в дороге это особенно полезно. А вот это...

– А без снадобий ты что-нибудь можешь? – К воительнице возвращалось ее прежнее ёрничество.

Вместо ответа Чикко протянул ей ладонь, над которой возник светящийся шарик размером с мандарин.

– Ух ты! – девушка действительно была восхищена. – Может, у тебя и демон ручной где-нибудь припрятан?

Чикко неприязненно на нее взглянул, гася магический светильник.

– Ты, никак, шутишь? Или вам в вашей школе не говорили, что демона невозможно вызвать в наш мир?

– Но раньше-то...

– Тысячу лет назад аль поболе – может быть. А теперь – нельзя. Хотя, – он недобро усмехнулся, – знавал я людей, которые похвалялись, что с демонами чуть ли не дружбу водили. Только вот... Кое-кто из них потом пропал, да так, что концов не найти.

– В одной старой книге я читала, что демонов может вызвать человек с Древней Кровью, – сообщила амазонка.

– В старых книгах чего только не напишут.

Так или иначе, сборы закончились. Груда вещей уменьшилась на треть.

Стемнело, и они решили лечь спать пораньше. Марисса устроилась за ширмой, Чикко тоже вскоре начал похрапывать, а Торнан все сидел при свете корейской масляной лампы, обдумывая все еще раз. Потому что завтра уже поздно будет переигрывать планы – начнется поход.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. РЕКИ И ГОРОДА

Глава 7. НАЧАЛО ПУТИ

Со стороны картинка могла бы показаться вполне идиллической – словно на пикнике, устроенном беспечными горожанами в окрестностях Корга.

Торнан с Чикко, в чем мать родила, устроились на горячем песке. Их одежда отмокала в ручье, старательно разложенная их спутницей и придавленная камнями.

Марисса, облаченная лишь в пресловутую ночную рубашку, распустив по плечам небрежно отжатые волосы, была занята важным делом – она чистила маленький медный котелок, одно из главных сокровищ путников. Благодаря ему они имели возможность попить на привалах горячего травяного отвару и когда-никогда побаловать себя похлебкой из вяленой баранины или дичи. Весьма большое удобство, если учесть, что обычно в таких походах довольствовались едой всухомятку да запеченным в кострище и жареным на углях харчем.

Кони их, расседланные и стреноженные, бродили неподалеку, отдавая должное высокой траве. Ну все точь-в-точь как на пикниках богатой коргианской молодежи. Правда, там частенько именно девушки снимают с себя все или почти все, в то время как мужчины остаются в одежде. При этом ничего такого там обычно не происходит – именно в этом почему-то находят особый шарм.

Перед тем как залезть в ручей, Чикко, непритворно смущаясь, уговаривал девушку не подглядывать за ними. А она в ответ смеялась, говоря, что даже если они снимут с себя все при ней, то ничего нового она не увидит, к тому же Торнану стесняться нечего – у него, видать, все в порядке, а Чикко тем более не может, судя по всему, поразить ее чем-либо.

Чикко все же смущался и в конце концов прикрыл чресла сорванной тут же веткой папоротника. Но даже так было видно, что Марисса вызывает в нем весьма определенный интерес. Даже удивительно – в родных краях Торнана женщины купались голышом вместе с мужчинами, и мужчины спокойно к этому относились.

Впрочем, кто этих дикарей поймет? Вон, борандийцы недалеко от фоморов ушли, а сколько у них всяких запретов дурацких да заумных обычаев...

Оторвав взор от весьма симпатичной фигуры их спутницы, Торнан оглядел окрестности.

Если верить тому, что рассказывали им местные обитатели, жители мелких деревушек, непонятно было, как они тут еще живы. Места эти были, по их словам, мрачными и недобрыми. Леса заполнены медведями и дикими кошками, наглыми волками и злющими карликами. Пустоши и болота населены нечистой силой. Местные с искренним страхом говорили о волках-оборотнях и ведьмах, призраках и лепреконсах, но больше всего – о разбойниках...

И в самом деле, северо-запад Кильдара был краем мрачноватым, хотя никого страшнее косуль и оленей им пока не встречалось (последнюю доели вчера). Но сейчас они оказались в месте, достаточно приятном. Вокруг простирался светлый и могучий сосновый бор, в котором за сотню шагов различаешь пролетающую птицу. Это с одной стороны хорошо – трудно подобраться незамеченным. Но и плохо – почти невозможно скрыться от врага.

– Ой, хорошо-то как... Так бы всю жизнь тут и просидел, никуда бы не пошел, – вздохнул Чикко. – Да, – он сладко потянулся. – Я вот подумал – когда вернемся, может, плюнуть на это шаманство с чародейством, купить маленькое поместье где-нибудь лигах в ста от Корга? Так и сделаю! Заведу себе винный погреб, буду охотиться, а еще лучше весь день валяться в саду под яблоней на травке. А девушки с хуторов будут приносить мне виноград и землянику и класть в рот. А потом я сам буду класть... девушек. На травку. Торнан, махнем со мной? – Чикко мечтательно прикрыл глаза.

– Угу, – не обращаясь ни к кому, бросила Марисса. – Только вот скажу тебе, девушек в селе тебе придется искать долго и старательно, потому как уже с двенадцати лет их там... кладут на травку. Опять же моются они хорошо если в неделю раз, ноги и руки у них в мозолях, а уж насчет всяких таких штучек, до которых ваша мужичья порода охочая, – так за это и по башке могут дать!

– Ты-то откуда знаешь? – заинтересовался Чикко. – Вроде ведь не деревенская.

– Как-то месяца три я с друзьями охраняла одно село от разбойников. Там и насмотрелась на эту жизнь.

Торнан про себя слегка удивился. С чего бы это бойцам храмовой стражи охранять какую-то там деревню? Вряд ли им так уж много могли заплатить... Хотя всякое может быть, конечно. Но спрашивать он не стал. Зато спросил Чикко.

– Ну, кому-то ж надо и деревни охранять, – почему-то выдержав паузу, ответила их спутница. – Как-никак, вы все, храбрые герои, от трудов крестьянских кормитесь, а вот сторожите их не так чтобы хорошо. От тяжелых, между прочим, трудов. Я там и косить научилась, и козу доить... Вот ты можешь козу подоить? – обратилась она к Чикко.

– У нас на островах козы не жили – только коровы с овцами да пони мелкие, мне по грудь, – сообщил он. – Не выживали у нас козы-то. Сыро да промозгло больно...

– Что у вас там вообще хорошего было, на этих ваших островах? – ехидно осведомилась Марисса, вытаскивая барахло из ручья и раскладывая на песке просушиться.

– Да ничего особенного, – согласился Чикко. – Туманы, дожди, болота. Солнечных дней с десятков в году наберется. Лесов мало, все больше береза да ольха – даже приличной лодки не построишь. Топили и то торфом, который сами из болота выкапывали. Вот было мучение его просушивать! Вызревает только ячмень да репа. Вот и вся еда – лепешка из ячменя да бражка из него же. Это кроме рыбы. Рыбой мы даже коров кормили. А кроме рыбы – ничего. Городов нет, золота нет, пряностей с благовониями тоже. Оно и к лучшему – было б чего полезного, определенно нас завоевал бы кто-нибудь.

– Но что-то же хорошее у вас, фоморов, есть?

– Ничего нет, – вздохнул маг.

– Так уж и ничего?

– Вот разве что я был, а теперь и этого нет...

– А если у вас ничего нет, зачем к вам купцы приплывают? – осведомилась девушка. – Ты же не вплавь в Логрию добрался.

– Ну, скажешь тоже – вплавь! Не совсем уж мы отрезаны от мира. Китобои из Данелага, случается, за водой заходят. Ну, иногда норглинги с западных фьордов – если домой вовремя не вернуться, то бывает, их льдами к нашим берегам отжимает.

– И как вы с ними? – оживилась Марисса.

– А что им с нами делить? – пожал Чикко плечами. – Взять у нас нечего, а даром мечом махать... Да и какой дурак будет гадить там, где живет? Им же надо перезимовать спокойно. Наоборот, за кров и еду они кое-что нам подбрасывали. Оружие там, инструменты железные, ткани... Кроме них нам этого и взять неоткуда было.

– Награбленным добром, значит, пользуетесь?

– Не без того, – согласился Чикко. – Но и то нечасто – раз в год кто-то заплывал, и то много. А торговцы – тех вообще и не видно почти. Разве кого ветром снесет на пути в заокраинные земли. Так ведь туда почти не плавают.

– А что-то говорят насчет Подземелий Ка-Хет и руин в ваших горах? – вдруг сменила тему Марисса.

– Это не на моем острове, – отрезал Чикко, почему-то помрачнев. – Это на Сайбалле и на Оукке – на главных островах. А у меня на Эсселе и гор-то не было.

Марисса, потеряв интерес к разговору, принялась переворачивать вещи – чтоб лучше просохло, по ходу дела отряхивая от налипшего песка.

А Торнан посмотрел туда, где были сложены пояса – его и Чикко, и куртка воительницы, из-под которой торчали рукояти скимитара и фалькаты. В поясах были деньги, выданные на дорогу. Пятьдесят серебряных в кармане его пояса. Каймов семь разменной медью в мошне у фомора. Десяток золотых, как неприкосновенный запас, зашитых в портупею, на которой висели клинки.

Было еще кое-что. В обшлага куртки и в пояс Мариссы были спрятаны небольшие квадратики пергамента, густо заполненные разноцветными чернилами, украшенные штемпелями, да еще оснащенные тайными знаками – векселя, выписанные на самые разные торговые дома и меняльные конторы по всему их возможному маршруту. Еще несколько таких же были в наглухо закрытом деревянном пенале, вместе с посольской грамотой и рекомендательными письмами к трем монархам – у соборного Коргианского храма были большие связи.

Да, скажите на милость, как изменились времена!

В прежние годы, если верить преданиям, пускались в странствие витязи да богатыри с полной торбой овса для коня да добрым мечом. Но чтобы кто-то отправился спасать мир с пачкой векселей в суме – такого что-то слышать не приходилось.

А ведь квадратики эти, покрытые чернильными строчками, которые во всей Логрии разберет хорошо если каждый тридцатый житель – штука довольно удобная. Красть их куда труднее, чем кошель с золотом, ведь не на виду они, да и смысла воровать нет. Потому как есть в этих векселях всякие тайные штучки, вроде написанных невидимыми чернилами слов да незаметных непосвященному знаков, спрятанных среди писарских завитушек, да паролей, которые надлежит сказать тому, кто эти пергаменты к оплате предъявит. А если не скажет он те слова, или окажется поименовано тайнописью, к примеру, что векселя выписаны на толстого старого купца, а принес их молодой громила вида некупеческого, или еще что-то не совпадет... Поведет тогда хозяин конторы бровью, выскочат из тайных дверей слуги, для этого и нанятые, да повяжут гостя незваного.

И хорошо, если страже потом передадут. А то ведь сволокут в подвал да станут спрашивать огнем да кнутом – откуда взял да где хозяина прикопал?

Все, что касается векселей и прочего, с деньгами связанного, Торнану не доверили – ими занималась Марисса, у которой и были все тайные ключи и ходы к ростовщикам и храмовым казначеям. Он даже не знал, сколько им выделено на весь путь в звонкой монете.

И правильно – Торнан на месте жрецов тоже не доверил бы золото какому-то чужеземному головорезу.

– Торнан, слушай, а норглинги действительно такие сильные бойцы, как говорят? – В амазонке выиграл, видать, профессиональный интерес. За прошедшие дни пути он несколько раз рассказывал о службе в Страже Севера, но особого разговора как-то не получалось. И вот Торнан задумался – как ей получше объяснить положение дел?

– Скажу так: во всем моем манипуле бой один на один против норглинга выиграло бы человек пять или шесть, считая меня. Ежели взять десяток против десятка – то тут уже дедушка надвое скажет, то ли они нас, то ли мы их. Правда, троих-четверых наших положить придется, это точно. Сотня против сотни – ну, тут норглингам конец однозначно, хотя на четверть и наших убавится. А вот если мой манипул да на дружину любого эрла – хоть даже самого Ро Серебряного, или Игарра Черного, – то и потеряем немного, и победу добудем. Так что карьеру в Страже Севера делать просто – воюй да живым оставайся, и до капитана дослужишься без помех.

– Слушай, а вот у вас, антов – ну, в твоих родных краях, – с норглингами как? Сильно они вас прижимают, должно быть? – осведомилась Марисса.

– У нас с ними почти мир.

– Мир? С норглингами? – одновременно высказали удивление его спутники.

– Ну, можно сказать, что мир. Понимаете, в чем штука, – пояснил Торнан, – во-первых, мы не так богато живем, как в Логрии, и взять у нас особенно нечего. В смысле, золота и серебра у нас не много. Меха, хлеб, мед с воском – это есть, но это ведь еще и взять надо, а потом продать. А из них купцы поганые. Опять же реки у нас не то что здесь: мелкие, порожистые, с отмелями да перекатами. Берега лесами заросли. Вот, допустим, сунется к нам эрл какой-нибудь на своем драккаре, а лучше на пяти. Ну и что? Далеко ли уплывет? Пусть на него где-нибудь на повороте десяток лодок горящих, а пока он уворачиваться будет – с берега стрелами огненными пожгут или из катапульта горшками со смолой забросают. Так что с этими у нас мир. Вот борандийцы досаждают, это бывает – особенно оленные.

– Так борандийцы вроде вообще дикари! – удивилась Марисса не меньше, чем услышав про мир с обитателями Драконьего полуострова.

– Это лучшие лучники, которых я знаю, – припечатал Торнан. – И не все равно, какая стрела тебя проткнет – с костяным наконечником или с булатным?! Да к тому же гордые они и злые: договориться с ними, почитай, невозможно. С темными борандийцами еще так-сяк, а со светлыми – проще сразу утопиться. Они, видишь ли, считают себя потомками каких-то там Первоживущих, которые жили по тысяче лет и строили дворцы из золота. Это теперь, мол, только меткость от предков осталась, а прежде чародеями они были великими и божьими любимчиками, даже звери сами к ним приходили, чтоб те на обед их зажарили, – он добродушно рассмеялся.

– Я вообще-то тоже могу зверей приманивать, – пожал плечами Чикко, – но любимчиком богов себя не почитаю.

– Ты у нас скромник известный, – согласилась Марисса.

– Приятно услышать похвалу из твоих уст! – не остался Чикко в долгу.

Привал окончился, и они вновь продолжили путь.

* * *

Кони трусили рысцой. Справа и слева от них ползла архатисто-черная зубчатая полоса ельника, а в просветах между ними, где пролегали долины, далекой завесой светлели холмы. Потом дорога сузилась, пошла берегом мутно-зеленого ручья и привела под сень вековых, замшелых елей. Почти с каждого дерева свисали гирлянды мха, похожие на бороду лешего.

Теперь дорога петляла меж стволов. Чикко ехал позади и время от времени пытался что-то напевать. Пахло медом и смолой.

Только к полудню увидели они одинокую хибарку из нетесаного камня, стоявшую на высоком берегу ручья, который здесь разливался в порядочную речку. Потом они пересекли увал. Пришлось еще долго подниматься по извилистой тропе; кони всхрапывали, и Торнан, поглядев вниз, увидел, что темные ели тонут в сизой дымке.

Выехали наконец на самый высокий гребень и оттуда начали спускаться вместе с солнцем в долину. Отсюда, с вершины холма, открывался замечательный вид. Приятно округлые пологие холмы, покрытые старым дремучим лесом. Среди холмов извивалась река Арана, несшая свои воды в Дугрское озеро. За рекой холмы постепенно повышались, переходя в предгорья. Слева, во весь горизонт с запада на восток тянулись горы – Серый хребет, младший брат великого Рихея. На склонах виднелись какие-то поселения и лоскутья возделанных полей.

Но окружающее заставило капитана вновь вспомнить рассказы аборигенов.

Край сей и впрямь неплохо подходил для всякой нечисти – что людской, что нет. Старые, толстые, уже подгнившие стволы густо переплетались с тонкими, хрупкими, совсем сухими ветками более молодых деревьев и кустарников. Порой завалы были столь велики, будто Лес-

ные Хозяева сложили их специально на страх путникам. Приходилось вести коней в поводу или двигаться шагом, доверяя чутью животных. Ветровалы сменяли один другой.

За невеселыми мыслями Торнан почти не замечал дороги, а солнце между тем подошло к закату. Жара сменялась прохладой.

Их маленький отряд неторопливо двигался по лесу, то углубляясь в чащу, то выбираясь на прогалины. Когда солнце почти коснулось вершин деревьев, они остановились на небольшой полянке и перекусили, запив жестковатую солонину ледяной – аж зубы ломило – родниковой водой. Затем вновь тронулись в путь.

К стыду капитана, опасность первой заметила Марисса, хотя полагалось бы ему – все же он сам вырос в лесу. Только увидев, как девушка рванула из-за пояса фалькатту, Торнан сам потянулся к ятагану.

И словно в ответ на его движение лес заполнился свистом и глумливым смехом.

Впереди, на поваленной сосне, восседал чернобородый здоровяк, картинно отставивший в сторону заржавленную алебарду. Не нужно было быть мудрецом, чтобы понять – это отнюдь не дровосек, не охотник и тем более не королевский лесничий. Облачение у него было соответствующее – дорогой красный кафтан, явно украшавший прежде объемистые тела незадачливого купчины, рогожные штаны – судя по всему, снятые с какого-нибудь смолокура или бортника, и солдатские башмаки с обмотками.

А из кустов по сторонам тропы между тем выбирались, довольно ухмыляясь, коллеги лесного работничка – оборванцы, одетые в грязные лохмотья, разномастно вооруженные – кто вилами, кто топорами, кто тесаками, а в основном – дубьем.

– Гэ-э! – изрек бородач. – Как интересно! И ково эн-то к нам варки притащили в зубах? Благодарите богов, что мы таперича выпимши, а оттого добрые! Так что ни резать-убивать, ни в рабство черным купчишкам продавать вас не будем. Стало быть, сымайте с себя усё – чего нам надо, мы сами заберем. И лошадок оставьте – пешком-то вернее! И ты, телушка, давай, разоблачайся. Скажи спасибо, что баб в нашем логове хватает, так что позабудимся малешко и отпустим. Ниче страшного с тобой не буде – где два, там и дюжина!

Бандиты, которых и в самом деле было чуть больше десятка, дружно захохотали – так мог бы ржать табун простуженных битюгов. Громче всех ржал главарь – до того мгновения, когда брошенный Мариссой нож перерубил ему глотку. Атаман еще только начал заваливаться назад с лицом, выражавшим крайнее недоумение, когда следующий нож свалил лучника, вскинувшего свое оружие, а амазонка с диким воплем ринулась вперед, заноса скимитар над головой.

Что-то гулко хлопнуло, и огненный росчерк соединил лицо второго лучника с ладонью Чикко, которой маг мгновенным движением как будто что-то зачерпнул из воздуха. А Торнан уже готовился встретить бандита, что, держа обеими руками перед собой копье, бежал вперед, собираясь всем весом насадить капитана на острие. Торнан перехватил копье под наконечником и рванул его в сторону. Затем клинок его опустился на древко – там, где в него вцепились ладони бандита. Тот с воем укатился в заросли.

Торнан отбил топор, которым пытался ударить его тип с рваным каторжными клещами носом, и острием ятагана аккуратно проткнул тому горло. Прежде чем тот упал, Торнан схватил его за куртку и притянул труп к себе, использовав этот страшный щит, чтоб прикрыться от удара алебарды в руках одноглазого здоровяка. Тяжелое лезвие с хрустом врубилось в позвоночник убитого. Через мгновение Торнан выпустил труп из рук, и тот своей тяжестью увлек за собой застрявшее в нем оружие. Кривой бандит потерял драгоценные мгновения, пытаясь высвободить алебарду, и не успел. Алый фонтан ударил в вечернее небо. Кровь хлестала секунд пять, после чего обезглавленное тело рухнуло наземь. Голова, откатившись в сторону, укоризненно глядела яркими белками глаз на зеленый лес.

Тем временем меч Мариссы, разрубив ключицу, рассек легкое и сердце нападавшего. Но затем на девушку с обеих сторон набросились двое, вооруженные один мечом, второй копьем.

Но Чикко, правильно сориентировавшись, взмахнул соединенными руками в сторону копейщика, и тот отлетел, схватившись за разможенное лицо. Мечник опешил от такой демонстрации магических сил маленького фомора и принял в живот фалькату воительницы.

После этого уцелевшие разбойники устремились в лес, оглашая девственную чащу воплями, словно за ними гналась стая бессов.

Первое приключение путников завершилось почти без потерь, не считая бледно-зеленого лица Чикко, севшего в изнеможении прямо на труп главаря.

* * *

На то, чтобы наскоро обшарить трупы, ушло с четверть часа. Вся добыча составила дюжину медяков разного достоинства, перстень низкопробного золота и нитку речного жемчуга. Было еще несколько ножей и алебарда атамана, но выручить много за них вряд ли было можно. К тому же мало ли: узнает какой-нибудь торговец оружия, каким его тыкали в пузо, снимая кошель – еще со стражей объясняться придется.

Куда больше, чем всему этому, Торнан обрадовался бы хотя бы одному коню, но, видать, разбойники предпочитали передвигаться пешком.

Он взглянул туда, где лежал разбойник с обожженным лицом и курчавой от жара бородой. Однако, выходя, поспешил он сказать, что друг его ничего не может. А ведь до сего дня и не подозревал! Да и вообще про магов, способных метать огонь, больше слышал только.

Недобрая мысль шмыгнула по краю сознания – не дай Дий, если бы Чикко стал их врагом! Марисса нервно передернула плечами, словно уловив его мысли.

– Слушай, Чикко, а что ж ты их всех не спалил сразу, раз такое можешь?

– Ты видишь меня сейчас? – хрипло бросил тот. – А это был всего только один удар. Да это заклятье еще и удается только единожды из пяти попыток! Толку от такого в бою... Если б все было так просто, то вместо солдат нанимали бы колдунов.

– Так колдуны наши такого вроде не умеют, – произнес капитан.

– Верно, не умеют, тут не просто умение, – туманно проговорил фомор.

– Наши полковые маги только раны лечить умели да погоду предсказывать, – поведал Торнан. – Однажды старший засаду не почуял в трех шагах – чуть голов не лишились.

– Измельчала, видать, ваша мажья порода, – поддержала Марисса.

– Не в порода дело, – покачал головой Чикко и вновь непонятно добавил: – Мне говорили наши старики – мир стал не таким, как раньше, потому древнее волшебство уже силу теряет. Да и потом, чары творить – это не мешки ворочать и не сапоги шить. Это не ремесло какое – тут бывает хоть ты тресни, хоть кишки сам себе вырви, а не выходит, хотя уж вроде сто раз делал и знаешь как... Ладно, я уже в порядке, пошли. Еще вернутся эти орлы с подкреплением.

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ

Восточная Логрия, Мардония, провинция Гден

Старый Петар Хвост, в миру Локку, житель небедного предгорного села Горькая Долина, кузнец (причем не из худших), пробирался задами на противоположный конец одного села.

Причина его поведения была вполне уважительной. Он собирался навестить вдову Билу. А узнай об этом его супруга, за склочный характер еще в юности прозванная Сердючкой, не избежать бы скандала с бросанием в голову горшков и обзыванием всякими нехорошими словами, среди которых «старый драный козел» было бы самым невинным.

Но желание получить немного женской ласки пересиливало возможные опасения. Конечно, Била не молода (сын ее лишь немного моложе Хвостовой старшенькой), и во вдовой косе изрядно седины. Но, с другой стороны, она куда моложе супруги, и в противоположность ей – добра и дородна, статью смахивает на матерую медведицу.

Тем более и Петар не юн и не слишком красив, хотя и по-прежнему крепок.

Петар как раз пробирался мимо клуни кума Тыквы, получившего это прозвище лет двадцать назад, когда на базаре пьяный покупатель разбил о его голову десятифунтовую тыкву, когда все и началось.

Небо вдруг озарилось призрачным светом, похожим на лунный. Огромные сияющие столбы от земли до неба поднялись над вершинами Тарпийских гор, окрашивая снежные шапки Бобугана и Ховереллы во все цвета радуги. Они медленно меняли свой цвет с синего на желтый, потом на оранжевый и, наконец, взорвались кровавыми всполохами...

Петар в испуге что-то завопил, и вопли, заглушаемые воем собак, донеслись со всех концов села. Безотчетный ужас наполнил души тех, кто видел это небывалое зрелище, хотя ничего особенно страшного в нем не было.

Потом все погасло, но некоторые клялись, что, перед тем как полярное сияние исчезло, среди бликов мелькнула исполинская крылатая тень и унеслась к звездам.

Глава 8. ПОДЗЕМЕЛЬЯ И ЧУДОВИЩА

С поляны на высоком крутояре было неплохо видно далеко вокруг. Впереди лежала дорога, петляющая среди холмов. Широкая, вымощенная битым камнем. Между булыжниками пробивалась высокая трава, дававшая понять, что путники редко ходят этим путем. Вдали дорога огибала безлесный холм и упиралась в небольшое селение с частоколом, с добротными каменными домами. Именно оно было обозначено на одной из карт Мариссы как ближайшее место, где может быть спрятан жезл. Так что при удаче совсем скоро их путь ляжет обратно – к славе и деньгам...

Впрочем, не хвали день, пока не кончится.

Даже отсюда было заметно что вид у селения нежилой – крыши домов осыпались, прогнили, местами вообще отсутствовали, скалясь гнилыми стропилами.

Торнан поморщился:

– Не нравится мне все это...

– А мне нравится! – фыркнул Чикко. – Никого нет, заходи и бери что хочешь! И по башке, главное, никто не даст!

– Сразу видно старого вора, – бросила амазонка.

– Меня другое волнует, – уточнил Торнан, – почему все разбежались? Чикко, тебя спрашиваю! Кто тут маг, спрашивается?

– Почем я знаю? Может, нас испугались. Заранее. А может, они и не разбежались вовсе, а померли все, упившись дурманной настойкой, которую гнали в подвале во-он той корчмы.

– Что и говорить – ты у нас кладезь мудрости! – прокомментировала Марисса. – Ладно, зайдем, там и разберемся. Ну, кто со мной, грабить и разорять мирных жителей? – задорно осведомилась девушка.

Они приблизились. Село как село, и корчма как корчма. Сколько таких он повидал на своем веку. И забросили его, может, по вполне прозаической причине – может, ушла вода и высохли поля. Или иссяк придорожный тракт, с которого село кормилось... Да мало ли?

Ладно, будем считать, что жители просто ушли в поисках лучшей доли.

Надо сказать, все трое были людьми бывальыми, и хотя сами с таким не сталкивались, но слышать слышали. Покинутые хутора и деревни – в горах и лесах, о жителях которых не было ничего известно, пропавшие бесследно странники и караваны, пустые корабли, носимые по воле волн...

Но как бы то ни было, спросить тут о Часовне Второго Брата было не у кого. А именно в ней и был тайник, в коем могла храниться первая из частей жезла Тиамат.

Дверь корчмы была чуть приоткрыта. Внутри царило запустение. Не было слышно ни звука.

Они вошли.

Невольно напрягшись, подсознательно пораженные несоответствием. Тихий пустой тракт – явление непривычное.

Солнечные лучи рыжими полотнищами падали в узкие окна сквозь запыленную слюдяную пленку. Все выглядело так, словно жители бежали прочь только что. Табуреты и скамьи, кружки на столах. Над пыльной стойкой возвышался большой бочонок с краном.

– Вот сейчас попьем пивка, – сообщил Торнан, отворачивая позеленевший кран. Ни одной капли жидкости, разумеется, не вылилось, лишь слабый винный аромат возник в помещении, на секунду перебив запах пыли. Видать, тут пиво не одобряли, предпочитая кровь лозы.

Зайдя за стойку, Чикко проворно обшарил ее, удовлетворенно цокнул языком и, замысловато сложив пальцы, что-то прошептал.

– Вот он, голубчик! – и, выдвинув замаскированный денежный ящик, он озадаченно хмыкнул, выгребая пригоршню уже потемневшего серебра с вкраплениями позеленевшей меди. – Как хотите, но ведь и в самом деле тут что-то не то, – протянул он, опуская монеты в сумку на поясе. – Не нравится мне это. Чтоб торгош бросил деньгу... Дракон, что ли, прилетал?

Марисса пренебрежительно пожала плечами.

Дверь за стойкой заскрипела, как будто от сквозняка. Но вроде бы сквозняка нет?

Прежде чем капитан додумал эту мысль, руки Мариссы уже легли крест-накрест на эфесы клинков, а Чикко свел ладони с видимым усилием.

За дверью ничего не было слышно.

Осторожно заглянув туда, путники убедились, что за ней начинается длинный и темный коридор.

– Чикко, будь ласков, зажги шарик.

– А может, Марисса, тебе сразу и принца в женихи наколдовать?

– А, ну да, ты же волшебную силу бережешь – для девок, не иначе...

Не ответив, Чикко достал из-под прилавка коробочку с огнивом, выбил искры на трут. Смешанная с серой паленая ветошь, завоняв, затлела синеватым огоньком. Взяв с полки лампу, он быстро поднес пламя к фитилю.

– Вот, – назидательно сказал он. – А то шарик, шарик вам... Тут и без всякой магии обойдешься. А силу и в самом деле надо беречь.

При свете коптилки они обнаружили, что коридор не слишком длинный и в конце его имеется закрытая дверь. А слева от нее в каменном полу обнаружился надежно закрытый люк, изготовленный из одной широченной доски – должно быть, прежде бывшей стволом столетнего кедра.

В несколько минут выбив дверь, они выяснили, что выходит она на задний двор. В густой траве стояли две старые телеги, разошедшиеся бочки, какой-то хлам.

Ворота конюшни были распахнуты настежь. Торнан заглянул туда, опасаясь увидеть белеющие сквозь проросшую траву кости. Ему уже приходилось видеть такое – в селах, откуда *не успели* уйти люди, и скотина так и померла, намертво привязанная в хлевах и стойлах.

Но в конюшне было пусто.

«Стало быть, как ни торопились, а скотину забрать успели, – отметил про себя капитан. – И костей человеческих тоже вроде не наблюдается. Значит...» Он оборвал размышления – значить это могло все, что угодно, в том числе и то, что кто-то позаботился спрятать трупы и увести четвероногую добычу.

Закончив с осмотром двора, они спустились в подвал, без особого труда сдвинув люк. Внутри они обнаружили несколько разошедшихся бочек, гору окаменевших каштанов, откуда при их появлении в разные стороны разбежался табунок мышей, и четыре небольших амфоры, запечатанные смолой.

– Надо же, тарлиское, – с восхищением отметила Марисса, тут же взяв один из сосудов под мышку.

Имелся тут и сундук с большим замком. Но, опробовав на его крышке валявшийся тут же чугунный колун, Торнан убедился, что сундук пуст.

На улице уже темнело, солнце уже наполовину скрылось за горы.

Усевшись за главным столом трактира, они молча вскрыли амфору и по очереди отпили старого терпкого вина, выжатого, если не ввали циффы на печати, за пятнадцать лет до этого дня.

То ли в память об умершем поселке, то ли за благополучный исход дела.

Прошедший день ничем особым не порадовал. Никаких признаков пресловутой Часовни Второго Брата найти не удалось. Среди полутора сотен домов поселения не было ничего похожего на часовню – ни там, где было отмечено на плане, ни вообще где-либо. И это тревожило

– конечно, храмы в Логрии ломали очень редко, да и трудно сломать основательное здание, каковыми обычно строили дома богов, так, чтобы не осталось даже фундамента. Но кто знает... Разве что эта часовня подземная – но подземных храмов нормальных небожителей раз, два – и обчелся. В чем же дело? Может, это просто не то селение?

Чикко пересчитывал трофейные деньги, уже раз в четвертый. Складывал монеты в разновеликие столбики, перекладывал из одного в другой, смешивал... Вытащив из общей кучи маленькую шестиугольную золотую монету неправильной формы, он некоторое время вертел ее в руках.

– Взгляни, – он протянул ее Торнану. – Видал когда-нибудь такое? Это гхараттская цока, – сообщил он, когда капитан отрицательно покачал головой. – Из Мелуххи или из Гатского царства, если только я что-то понимаю в этих письменах. Каким ветром ее сюда занесло?... Ладно, я вот что думаю, – резко сменил он тему. – Насколько я помню, здешние поселения обычно хорошо укреплены на случай прихода геркоссов. Но тут укреплений нет – так, частокол. Значит, есть подземные убежища. Я подумал, что часовня именно там. И вот еще что. Входы в эти подземелья обычно хорошо прячут – поискать придется. Но вот какое дело: в тарских пещерных городах я сам видел, что спуски в тайные ходы начинались в колодцах. Причем в тех же самых, которые использовали горожане.

– Весело, – бросила Марисса. – Придется лезть под землю и искать там до возвращения Четырехрогого.

– Не думаю, – вмешался в беседу Торнан. – У нас на плане отмечено, что часовня где-то в середине поселения. Стало быть, там и будем искать.

– И как ты под землей определишь, где что? Или Чикко вызовет нам парочку цвергов из подземного царства?

– Да уж как-нибудь найдем... Дня за три.

– Это если не провалимся никуда и не повстречаем каких-нибудь оживших скелетов или оборотней.

– Ну, скелеты там, может, и есть, – хмыкнул фомор, – но сдастся мне, что лежат они там тихо и смиренно, как всем порядочным скелетам полагается. А оборотней вообще не бывает, – продолжил он с апломбом. – И быть не может. Это я говорю вам как шаман. Только боги могут сделать животное человеком, да и то неизвестно. Может, и не могут уже.

– А может быть, и подземных крайтов нет? И стрыгаев?

– Нет, конечно, – самодовольно ответил Чикко.

– Стрыгаи существуют, – вполне серьезно заявила Марисса.

– И кто тебе это сказал? – Чикко чуть не расхохотался. – Или этому учат в вашей храмовой школе?

– Нет, приятель, просто я однажды встретила с одним, – спокойно сообщила Марисса.

– И где же? На празднике Равноденствия? После третьего кувшина? Или пятого?...

– Нет, в бою... Впрочем, – скривилась амазонка, видя выражение лица Чикко, – я могу показать тебе свой бок, откуда он выдрал приличный кусок мяса.

И, как ни в чем не бывало, подняла руки, задирая куртку и рубаху.

Чикко с искренним любопытством принялся разглядывать загорелый гладкий бочок Мариссы. Торнан заглянул ему через плечо.

На ее боку был след укуса чьих-то зубов, действительно очень похожих на человеческий. Причем девчонку действительно весьма серьезно грызнули: между следами челюстей была довольно широкая белая полоса от вырванной кожи.

– Слушай, а ты уверена, что это был именно стрыгаи? – осведомился Торнан. – Вдруг это бы какой-нибудь свихнувшийся урод? Или троллёнок? У кое-каких разновидностей зубы похожи на человеческие.

– Может быть, только вот выглядел и вонял он, как типичный стрыгай – стрыгаистой не бывает. Ну как, чародей, налюбовался? – осведомилась девушка. – Эй, – она увидела, что Чикко собирается коснуться указательным пальцем следа зубов неведомой твари. – Руками не трогать!

– Да подожди ты! – вдруг отмахнулся маг. – Торнан, взгляни сюда.

Торнан наклонился к матово загорелой коже, даже на вид соблазнительно-упругой, и оторопел.

Зубы, испортившие ее года три назад (в шрамах он разбирался), действительно были человеческими.

Только вот не совсем. Четыре рваных узких дорожки были явно оставлены клыками, которых роду людскому иметь не полагалось.

– Ну?

Марисса резко опустила одежду.

– Как ты с ним справилась? – спросил Чикко, и Торнан отметил, как непривычно серьезен этот весельчак и балагур.

– С трудом, – коротко уточнила девушка. – Кровь хлестала, как из рваного бурдюка. Если бы не Элико и Картия, гнить бы мне в земле рядом с той тварью.

– А что вы с ней сделали?

– Зарыли, что ж еще? Это вы, чародеи, разных тварей потрошить обожаете, а потом из требухи всякую гадость варить.

– И что, ни голову не отрезали, ни шкуру хотя бы – похвастаться? И ваш маг вам позволил бросить тушку? – изумлению Чикко не было предела.

– А у нас мага и не было. Обошлись! – презрительно сообщила девушка. – И все живы остались. А Конра даже на третьем месяце была – и ничего: родила благополучно и в срок.

Поднявшись, Марисса решительно направилась к выходу.

– Эй, ты куда?

– По делам, – отрезала девушка, а Торнан украдкой показал кулак ухмыльнувшемуся фомору.

– Торнан, – через минуту сказал Чикко, – я вот что подумал насчет колодца... Я в лозоходстве не так уж силен, чтоб не соврать, но вот если ты подождешь до послезавтра, смастрячу один амулет... Торнан, – вдруг напрягся коротышка, – я чувю что-то нехорошее...

Тревожно всхрапнули кони за стеной.

И тут со двора послышалось писклявое уханье, и через секунду – крик Мариссы.

Что было дальше, Торнан не помнил – он осознал себя уже на улице, спрыгивая с прогнившего крыльца с ятаганом, занесенным для удара.

Глазам его предстало следующее зрелище. Из колодца целеустремленно выползал шевелящийся пучок щупальцев, за которым следовал зелено-серый мешок. На нем блестели три больших буркала. И одно из щупальцев обвилось вокруг талии Мариссы, явно пытаясь утянуть ее на ужин страшилищу.

Вылетевший следом за капитаном Чикко аж взвизгнул, бросив что-то вроде «Стульху!» или «Птульху!» – наверное, выругался по-своему, по-фоморски.

Урод уже полностью выполз из колодца и вытянул во все стороны свои подрагивающие щупальца. Марисса отчаянно вцепилась в каменную ограду, изо всех сил сопротивляясь тяге напрягшегося щупальца.

– Эликсиром его, – бормотал бледный Чикко, шарясь в своей котомке. – Камировым... Или порошком Воуриш... Сейчас...

– Держись!!! – Видя, что помощи от штатного чародея экспедиции не дожидаться, Торнан перекатился по земле, используя кучи мусора вместо прикрытия, и лежа ударил ятаганом, мгновенно снеся щупальце, обвившееся вокруг девушки.

Ловко уклонившись от метнувшихся в его сторону извивающихся «рук», Торнан рубанул еще и еще. Он не думал, с чем столкнулся, не удивлялся невозможной и незнакомой твари, не думал, можно ли с ней справиться, не размышлял, насколько она опасна. Просто рубил, уворачиваясь от опасных объятий. Его решительность принесла результаты – посрамленная тварь пыталась уползти обратно в колодец, но пучащееся тело зацепилось за обломки ворота. Застряв, неведомое страшило бестолково размахивало щупальцами, видимо, не теряя надежды поймать так некстати ускользнувшую добычу.

Через двор, вращаясь, пролетел светящийся шарик и влип прямо в третий глаз создания, заставив того громко замычать. Через мгновение, кувыркаясь, по тому же маршруту проследовала маленькая склянка, угодив в пупырчатую голову противоестественного моллюска, задержавшегося, как студень.

Через несколько секунд сухопутный осьминог наконец-то освободился и упал в колодец, издавая шипение – то ли боли, то ли разочарования.

Не спуская глаз с колодца, Торнан поднял девушку с земли.

– Рисса, ты как?!

– А что со мной будет? – морщась, ответила Марисса, держась за живот.

– Понятно, кто сожрал деревенских, – прокомментировал Чикко. Присев на корточки, он только что не с умилением изучал вяло дергающееся щупальце.

– Что ты там смотришь? – прикрикнул на него Торнан. – Или думаешь приготовить его на ужин? Помоги лучше Риссе.

– Да не надо... – попробовала та отмахнуться.

– Надо! – прикрикнул капитан уже на нее. Подчинившаяся амазонка задрала рубаху, и капитан выругался, глядя на сине-багровую полосу с пятнами кровоподтеков на месте присосок, обвивавшую талию девушки. Чикко сосредоточенно провел ладонями вдоль ее тела, пошептал что-то, шевеля губами...

– Так, – вынес он вердикт. – Внутренности внутри, как им и положено, ребра целы, синяк пройдет через неделю, если ничем не лечить. – И добавил с завистью: – Ну и мышцы у тебя, Рисса! Меня бы эта скотина точно бы пополам порвала! Откуда у тебя такие?

– Да проще простого! – Девушка, одергивая рубаху, бодро вскочила на ноги. – Пару камней по двадцать фунтов держи в руках перед собой, а потом слегка согнись и встань на цыпочки. И так стой, пока не упадешь. Пару лет – и у тебя будут не хуже!

Надо ли говорить, что все трое без лишних слов покинули трактир с его опасным соседством и перебрались на невысокий холм поодаль, раскинув там палатку.

Торнан с любопытством наблюдал, как фомор изучал разложенный на камне «трофей», потерянный головоногом. Внимательно осмотрев его так и сяк, только что не обнюхав и не попробовав на вкус, Чикко ткнул головешкой в обрубок. Кусок мертвой плоти не шевельнулся.

– Да... – резюмировал Чикко. – Похоже, тварюка эта стара, как прабабушка Шэтта. У молодых осьминогов или кальмаров щупальца даже через сутки еще дергаются.

Они помолчали, хотя все было яснее ясного. Им предстоит лезть вниз, где обитает хозяин отсеченной конечности, и, возможно, не один.

– Есть одно средство... – понял мысли Торнана Чикко. – Если несколько моих порошков смешать, получится знатный яд. Им в Хемте тритонов озерных изводят на рыбных садках. Должно помочь...

– Ты не знаешь, что это вообще за животное?

– Не знаю, – сказал Чикко.

От Торнана не укрылось выражение лица друга при этих словах. Как фомор ни был умен, но за все годы жизни в Логрии полностью скрывать свои чувства он так и не научился.

– Точно? – испытующе поглядел в его глаза капитан.

– Как тебе сказать... – выдавил шаман. – Боюсь даже подумать, но эта тварь слегка смахивала на Старших Детей Того... э-э... Того, Кто Живет Под Морским Дном.

– Ты их видел? – почему-то от непонятных слов друга мурашки побежали по коже у неробкого капитана.

– Нет. Слава Предвечной и Отцу ее. Только рисунки на камнях и священных досках. Старые. Очень.

* * *

Через день, на исходе утра, они устроились среди деревьев на пригорке, с которого отлично просматривалась местность перед храмом, если так, конечно, можно было назвать проход в подземелье. Лишь три колонны слева от входа давали понять, что это не простая пещера.

Прежде чем они нашли этот вход, им пришлось преодолевать нагромождения валунов и заросли колючего кустарника, через которые они добрались до подножия напоминавшей кукиш скалы. На склоне тут и там сквозь густые заросли проглядывали песчаные проплешины и покрытые мхом спины валунов.

В очередной – в последний раз – проверили снаряжение. Объемистые тыквенные фляги, найденные в поселке, заполненные водой. Еда – сушеное мясо и чеснок, надерганный на заброшенном огороде.

Марисса лишний раз проверила свой замечательный лук, старательно собранный и проверенный уже раз десять, осмотрела стрелы – всю дюжину, – скептически полюбовавшись слоем приготовленного фомором яда, губительного для моллюсков. Выхватив клинки, почти с отвращением глянула на полоску того же яда на лезвиях. Торнан машинально посмотрел на свой ятаган, тоже обильно умашенный оным зельем.

Чикко в отличие от амазонки был спокоен. Его сума, видимо, хранила все, что нужно. А в руках был необычный светильник – обмазанная смолой корзинка, к которой были прилеплены смолой наловленные с вечера светляки. Был и другой светильник – сосуд прозрачного стекла (находка из трактира), наполненный толчеными гнилушками и светящимися грибами из погреба.

Так что связка факелов за спиной капитана могла и не понадобиться.

Там же, за могучими плечами анта, был пристроен заржавленный заступ на коряво вырезанном свежем древе, обнаруженный в одном из пустых домов безымянного селения.

Вроде все. Оставалось разве что помолиться за успех, попросить у своих богов помощи.

Нет, ему-то особо докучать богу Грома не с руки – не любит старый Дий, когда его слишком часто теребят. А вот Марисса пусть лишний раз попросит Великую Мать – ведь как-никак она ей служит, кровь за нее проливала, и молитвы ее вес поболее имеют, чем у простого человека. Да и Чикко пусть обратится к своим небесным покровителям, не помешает. Кому он там поклоны бьет, как бишь их...

Тут Торнан вспомнил, что его приятель не то что не посещал на его памяти храмы, но даже и не поминал никаких небожителей, если не считать проклятий и богохульств, обычных для лихих людей по всему миру.

– Чикко, а каким богам ты молишься? – спросил северянин.

– Никаким, – отрезал шаман. – Я безбожник.

– Это как? – до глубины души удивился капитан.

– Старые боги моего народа мне помогать не будут, потому что я отрекся от своего предназначения. А чужие боги меня, пожалуй что, и не примут под покровительство...

– Почему ты так думаешь? – вновь искренне изумился Торнан.

– Так... Есть причина, – уклончиво сообщил его приятель.

– А как же ты тогда колдуешь? Духи-то тебе повинуются, как ты говоришь.

– А при чем тут духи? – пожал Чикко плечами. – Шаману – да и вашему чародею, если на то пошло, – боги не помогают. Он сам по себе сила, и сам умеет обращаться со стихиями, да и духов в бараний рог скрутить может. А если не может – то ему никакая Тиамат и никакой, извини, Громовник не поспособят.

Пожав плечами, Торнан решил оставить эту тему в покое. В чародействе и волшебстве он мало что понимал. Тем более что тема для Чикко была явно болезненной.

– Ну, пошли, что ли? – заявила Марисса. – Сиди не сиди, жезл к нам не прибежит.

– Пошли...

Под их сапогами заскрежетала щебенка, когда они вступили в подземелье.

Вскоре каменный монолит совершенно неожиданно уступил место хорошо сохранившейся кирпичной кладке. Теперь это был не скальный проход, а ровно выложенный кирпичом и брусчаткой тоннель, ведущий куда-то в глубь скалы.

Троица двинулась дальше и вскоре оказалась посреди огромной залы, в которой стояли вдребезги разнесенные саркофаги, испещренные какими-то узорами, изображавшими геометрически правильные ряды угловатых знаков. Свод залы подпирали основательные, как столетние дубы, колонны. Все солидное, требовавшее много труда...

Путники увидели впереди аж четыре узких коридора, ведущих в неизвестном направлении.

– Куда дальше-то? – растерянно пробормотала Марисса. Видать, ни о чем таком ее не предупреждали.

– А без разницы, они все в одно место ведут, – сообщил Чикко.

– С чего ты взял? – осведомилась девушка.

– Чую, – объяснил фомор.

Избранный коридор вывел их в круглый зал, куда, впрочем, выводило лишь три прохода. Марисса фыркнула, но Торнан не стал развивать тему.

Узкие выщербленные ступеньки уходили вниз, в глубь скалы. Неверный свет гнилушечного фонаря в руке Мариссы рождал на неровной поверхности камня трепещущие бледные тени.

– Это мне напоминает одно невеселое местечко, – сказал Чикко. – Помню...

Что именно он помнит, никто узнать не успел, потому что именно в этот момент ступеньки кончились.

Коридор привел в большой зал с колоннами, вырубленными из известковой скалы. Здесь пришлось зажечь факелы.

В конце длинного ряда колонн у стены находилось возвышение в семь ступеней, на вершине которого стоял каменный алтарь древнего вида. Прислушавшись, можно было услышать множество шепчущих голосов, иногда похожих на далекий шум прибоя.

Марисса поежилась.

– Я слышала, что в древности, когда строили подземелья, в стены замуровывали всякие такие штуки. Кувшины-голосники, раковины, ниши делали особые, каналы выкладывали внутри стен.

Они разбрелись по залу. Неужели это и есть та самая часовня? Но где тогда второй алтарь? Где колодец?

Дверь, узкая и невысокая, обнаружилась в самом темном углу зала. От времени плиты разошлись, и дверь уже трудно было назвать потайной.

Используя рукоять заступа как рычаг, они открыли ее. За дверью начинался узкий коридор. Узкая и ветхая лестница с полусгнившими ступенями привела в прямоугольную, слегка вытянутую палату с низким сводом. У дальней стены палаты, налево от входа, была навалена груда камня, а по стенам виднелись боковые ходы. Чикко, потоптавшись, указал на один из

них – узкую щель примерно фута в два шириной. Через него они проникли в выложенную черным камнем покатую подземную галерею, от которой под прямым углом отходили две боковые галереи. Но, по мнению фомора, туда им было не надо. Далее шел узкий коридор, упирившийся в замурованную когда-то арку с пробитым в кладке отверстием. По ту сторону пролома обнаружилась другая лестница.

Миновали и ее – и оказались в широкой пещерной галерее. Коридор продолжался на той стороне галереи и вел дальше, но Торнан, даже не глядя в планы, понял, что им нужна именно она. Ее стены носили лишь следы кирки и кайла. Затем галерея расширилась, став почти пещерой. Створки ворот, запиравших ее, почти сгнили. Пещера отлого спускалась вниз. Катакомбы то являли собой обычную пещеру, то становились анфиладой залов и потерн, явно носивших следы работы каменотесов.

Они вышли в главный коридор, когда-то бывший руслом подземной реки. Иногда им слышались неясные шорохи, и хоть Торнан и не страдал излишней впечатлительностью, но в его уме возникала картинка – иссохшая мумия, крадущаяся за ними, волочащая за собой древний ветхий плащ. Марисса тоже нервничала, вспоминая слышанные в детстве сказки про огромных червей, что живут в глубинах земли и длиной превосходят самый большой корабль.

Неожиданно откуда-то слева, со стороны храма донесся подземный гул и грохот.

– Что это?!

Но тут из бокового коридора хлынул черный поток, и все стало ясно. Торнан рванулся к выступу, хватаясь за камень, но не успел. Вода сбила с ног фомора, швырнула его на Торнана, а того – на Мариссу. Из всех троих лишь она успела сгруппироваться и упереться в каменную стену, и даже удар двух тел, дополненный мощным течением, не сумел сорвать ее с места. Руки ее заскользили по камням, поток протащил ее несколько шагов, но каменный выступ в стене вовремя попался ей под руку, и она удержалась. Вода схлынула так же быстро, как появилась, уйдя куда-то вперед и вниз. Некоторое время они сидели в темноте, вращая глазами. Хрупкий сосуд, естественно, разлетелся вдребезги, и его содержимое унес поток, та же участь постигла и корзинку со светляками.

– Чикко, свет!

– Завсегда пожалуйста.

Засветился шарик, и все увидели, что ход впереди перегороден трещиной, вернее – провалом. Туда-то и утекла вся вода. В глубину же провал уходил настолько далеко, что слабый магический свет не мог достигь дна. Зато определили ширину трещины – примерно больше половины человеческого роста. Торнан задумчиво изучал препятствие, пока Марисса, чертыхаясь, разжигала факел. Перепрыгнуть было не сложно, но потоком унести могло запросто.

Девушка удержалась (и удержала всех) совсем недалеко от пропасти. Она оглядела трещину, сплюнув вниз, опять чертыхнулась.

– Давайте сделаем так: обвяжемся веревкой и, хорошенько разбежавшись, прыгнем через эту вот щелочку. Если что – остальные вытащат, не упадешь, – предложил Торнан.

– Упасть-то, может, и не упадешь, но вот о скалу можно крепко дербалызнуться, – мрачно уточнил Чикко. – Черепушка, как крынка, разлетится запросто! И то если удержат. А если нет, то долго не видеть вам того, кто в трещину рухнет. Бревно нужно где-нибудь отыскать или досточку... Схожу, посмотрю у ворот...

Марисса сплюнула кровь из разбитой губы.

– Зачем извращаться? Уложим тебя поперек и перейдем. Ты вполне сойдешь за бревно.

– Я вот сейчас кое-кого тут положу поперек, – сообщил Торнан, прислушиваясь.

Откуда-то снизу доносились еле слышные звуки, похожие на... например, на шепот погребенного в темных глубинах моря. Снизу долетело легкое дуновение ветра, принесся запах... или его тень? Гнилостный острый запах застоялых вод древних лагун. Оглядевшись, капитан подобрал небольшой обломок и кинул вниз. Камень беззвучно канул во тьму. Десять,

двадцать, сорок... Из бездны так и не донеслось ни звука. Чикко, пробормотав что-то, усилил свет, но ничего, кроме уходящих в темноту каменных стен провала, нельзя было разглядеть. Раздувшийся огненный шарик вдруг погас, оставив их в полной тьме.

– Тьфу, – выругался фомор. – Вот так всегда! Стоит чуть отвлечься... Торн, зажги лучше факел, а то знаешь, я не железный...

Пока Торнан на ощупь искал заботливо завернутый в провощенную кожу трут, пока высекал огонь и ждал, когда факел разгорится, прошло какое-то время.

– Значит, так, – сообщил он, взмахнув факелом, чтобы раздуть пламя. – Я признаю свою ошибку. Что бы там ни было, а прыгать и даже лезть через эту щель меня не тянет. Поэтому будем искать обход.

– А если не найдем? – встряла Марисса.

– Тогда и будем думать, – отчеканил капитан. – Пошли.

Торнан испытал облегчение, когда злосчастный коридор скрылся за поворотом. Он не стал тревожить спутников, но, пока они сидели без света, ему почудилось, что там, внизу, во мраке, поблескивают еле видимые бледные огоньки, подобные свету ночного моря. Море, спруты...

– Рисса, у тебя стрелы с той дрянью целы? – осведомился он.

– Торн, ее смыло, – сообщила с явной растерянностью Марисса.

– У меня еще осталось немного, – сообщил Чикко, извлекая глиняную бутылочку.

На то, чтобы заново смазать стрелы и ятаган, ушло некоторое время. Еще больше времени ушло на выжимание одежды, выливание воды из сапог, выбрасывание подмокшего харча и сушку одежды с помощью факелов. Но куда больше времени – на поиск обходных путей и на то, чтобы пройти узким штреком, где можно было передвигаться лишь согнувшись, как говорят моряки, в три погибели.

Торнан уже запалил второй факел, когда они наконец почти неожиданно оказались в зале, пол которого был выложен гранитными плитами и украшен геометрическими ровными узорами. Стены поросли черной плесенью.

Толстые, вырубленные из камня колонны. Несколько ниш. Алтарь на возвышении. И вырубленная из камня фигура – женщина, стоящая на коленях перед телом мужчины, которую держит за волосы человек с мечом.

Это и была часовня Второго Брата, против обыкновения, засунутая под землю.

В камне воплотили старую, ныне полузабытую легенду о двух братьях прародительницы людей Эроаны – старшей внучки Тиамат, дочери богини Литы. Один из них убил другого, желая единолично обладать сестрой. Насколько помнил Торнан, в наказание Тиамат повелела предать имя убийцы забвению, изгнала его с Земли, а внучке сделала нового мужа, слепив его из глины и оживив. От него-то и пошли люди. По крайней мере, логры. Предки Торнана были внуками Дия-Громовника, и никто там никого не убивал, тем более ради такого нехорошего дела, как соитие с родной сестрой.

И тут они обнаружили то, что искали. Маленькую узкую дверцу из когда-то прочного, а ныне рыхлого и склизкого дерева. В несколько ударов кайла Торнан разбил заржавленный засов и распахнул неприятно заскрежетавшую дверь. Марисса, готовившаяся попросить благословения у своей богини, обиженно надулась. Чтобы утешить ее, Торнан указал на проем – мол, тебе, как служанке Тиамат, туда и идти первой.

За дверью обнаружилось маленькое помещение, напоминающее увеличенный скворечник. Словно ведомая чутьем (или знанием?), Марисса сунулась к еле видимой нише на боковой стене и через мгновение уже благоговейно сжимала обеими руками небольшой предмет.

– Смотри – это ОН! Это Жизнь и Утро! – восхищенным полупшепотом сообщила она.

В свете факела Торнан увидел на ее ладони небольшой Цилиндрик, украшенный резными знаками. Венчал его шлифованный хрустальный шар – вроде тех, куда любят смотреть всякие маги. Почерневшее от времени серебро обрамляло отшлифованный камень.

На его взгляд – ничего особенного.

Марисса осторожно спрятала цилиндрик в мешочек, который благоговейно повесила на шею. Лицо ее в полумраке ясно говорило, что снять этот мешочек можно будет лишь с ее трупа.

Затем они двинулись обратно.

Но не тут-то было. За время, пока они бродили, коридоры словно поменяли положение и направление, и несколько раз они обнаруживали в знакомых местах проходы, которых тут вроде не должно было быть, и тупики там, где как будто проходили еще час назад. Пришлось идти, полагаясь на чутье Чикко и общее направление – из всех тоннелей и коридоров просто выбирался идущий вверх.

Наконец они оказались в каком-то сводчатом подвале, с лестницей, упирившейся в люк.

Чикко утер пот со лба.

– Мы наверху, – сообщил он.

Путь им преграждал только старый деревянный люк. Всего лишь поднять его, и...

Марисса попробовала. Люк почти не пошевелился.

Торнан, поднявшись по лестнице, уперся в дерево плечами, изо всех сил надавил...

Люк лишь слегка скрипнул.

– Скверное дело, – сообщил северянин минуты через две. – Похоже, он чем-то завален.

– Что будем делать? – обеспокоилась Марисса. – Неужели обратно придется тащиться тем же путем?

Торнан задумался. А ведь похоже на то. Люк, вырезанный из цельного ствола мореного дуба, изрубить было почти невозможно.

Обратно через весь этот треклятый лабиринт, под которым что-то не очень хорошее и где можно встретить не самых приятных тварей?

Чикко улыбнулся, глядя на терзания капитана:

– Эх, воины! Что бы вы без меня тут...

Он поднялся по лестнице, приложил к люку ладони. Затем спустился и некоторое время странно топтался на месте, приплясывал, несколько раз обернулся вокруг себя.

– Эрхато, массар – хатт!!! – выкрикнул он внезапно, выбрасывая вперед раскрытые ладони.

Вверху что-то грохнуло, тенью метнулся отпрянувший Чикко, а потом гладкая поверхность крышки пошла трещинами.

Еще пара мгновений – и развалившееся дерево не выдержало. Каменные обломки скатились под ноги удивленным капитану и воительнице, и в образовавшийся провал проник вечерний тускловатый свет.

Они выбрались наружу, оказавшись в развалинах какого-то из домов поселка.

– Ты что сделал? – осведомилась потрясенная девушка.

– Так... приподнял те булыжники, что лежали сверху этой деревяшки. Они и проломил ее, – сообщил чародей, сидя на заросших бурьяном руинах.

– Пошли обратно?

– Подождите, – сообщил Чикко. – Дайте отдохнуть – ноги не держат.

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ

Закатный океан, архипелаг О'Рульдас. Владения фельтов

Здесь, в пустынной кумирне на вершине горы, два человека – наставник и его ученик – спрашивают у духов древней тьмы благословения. В этом священном месте учитель передал ученику магические приемы, которые позволяют приобщаться к тайному миру, откуда он может черпать невероятную силу и мощь всей Вселенной. Теперь посвящаемый знает особые методы переплетения пальцев, замыкающие токи энергии внутри тела, а также священные формулы. За спиной ученика долгие годы тренировок, знание сотен хитроумных методов и тайных рецептов. Но этого мало – сейчас он узнал тайные знаки и формулы, благодаря которым Небо может даровать ему высшее мастерство, и теперь духи должны принять будущего мага.

Но, кажется, они не хотят этого делать. Свечи на алтаре – это жизнь человека, а их пламя все скудеет и скудеет, тени все ближе обступают двух человек, застывших в узком пространстве кумирни, наползают на посвящаемого, согнувшегося в молитвенном поклоне на коленях перед алтарем. Как только эти тени достигнут его, как погаснут свечи, духи отвернутся от него – он умрет.

Может быть, прервать посвящение?

Но он уже прошел часть инициации, он уже прикоснулся к той мистической тайне, которая открыта только великим посвященным, и значит, если духи не примут его, неофита придется заколоть здесь же у алтаря узким длинным кинжалом, для того и предназначенным. А может быть, он умрет сам – сколько раз бывало, когда во время церемонии по телу посвящаемого начинала пробегать дрожь, глаза расширились от ужаса, он силился что-то сказать, но из его горла вырывались лишь несвязные звуки. Потом он страшно кричал, падал и, несколько раз дернувшись, затихал. Посвящаемый умирал здесь же у алтаря, и никто, даже учителя, не могли сказать, что произошло. Да и кто может постичь деяния духов? Почему они принимают одних и отвергают других? Почему здесь у алтаря они делают слабого сильным и вдруг отбирают мужество у отважных?

Темный Путь – это всегда путь смерти.

У того, кто вступает в мир духов Тьмы, немного путей. Одному нравится то, что они даруют силу, власть, сверхъестественное могущество разума – эти становятся пленниками духов, и мало кто может представить, сколь страшную плату им придется заплатить. Им кажется, что они используют силу духов, но это не так, это духи пользуются людьми, и обмануть их невозможно, они сами обманут тебя. Другие просто погибают, угасая столь стремительно, что помочь им невозможно – можно сказать, что этим еще повезло, расплата наступила быстрая и безболезненная. Но есть и третьи – они проходят сквозь мир духов, одолевают их силой того, кто стоит над ними. Эти и становятся великими магами и жрецами.

А пламя свечей дрожало все сильнее, тело посвящаемого начало дергаться, у губ появилась пена, кулаки судорожно сжимались и разжимались. Глаза были открыты, но, казалось, смотрели куда-то внутрь. В них был ужас перед разразившейся бездной.

Внезапно словно кто-то дунул на свечи – две из них погасли, а пламя третьей уменьшилось до того, что в кумирне воцарился мрак. Человек у алтаря страшно закричал и упал ничком, лицо его исказилось гримасой страдания и ужаса. «Может быть, дух уже поразили его?» – пронеслось в голове учителя. Он занес над головой короткий меч – духи явно не приняли ученика к себе, а ведь в этом и заключен мистический смысл всей церемонии инициации. И миссия учителя – решительно отказаться от недостойного ученика, и только смерть может быть единственным подтверждением такого отказа. Но он все еще колебался – а вдруг духи изме-

нят свое решение, вдруг они еще ведут ученика по пути мучений, боли и страданий, испытывают его страстями и искушают богатством? И тогда удар его меча окажется вопреки решению духов, а значит, и он сам умрет. Но две свечи были уже мертвы, а третья готова была вот-вот угаснуть, унеся с собой остатки жизни ученика.

А затем вдруг свечи вспыхнули все разом, и очень ярко! И язычки пламени их засветились потусторонней зеленью.

И в ушах наставника загремел могучий голос, который не был голосом.

И те мгновения, пока он рек свои истины пораженному магу, показались тому бездной времени.

А когда все кончилось и погасли свечи, уже ничто не занимало его – ни возможность, что сюда вдруг нагрянет стража, время от времени прочесывающая места с дурной славой в поисках адептов зла, ни тем более остывающее тело ученика...

Скоро, очень скоро невидимые преграды, подточенные, словно водой, искусными чарами, рассыплются в прах. Древние оковы будут разбиты, потайные двери – сорваны! И тогда настанет время исполнить великий, поражающий воображение замысел предков! Отдать этот мир во власть его законного владыки – великого господина Предвечной Тьмы!

Глава 9. ГОРОД ОБМАНА

Город был опоясан довольно высокой крепостной стеной серого цвета. Даже с расстояния нескольких миль были различимы основательные силуэты башен и укреплений. Красные и зеленые черепичные крыши возвышались над крепостной стеной. Столица Темии производила впечатление даже издали.

Путники не жаждали привлекать к себе внимание и остановились неподалеку от стены в ожидании каравана, смешавшись с которым можно было незаметно проскользнуть внутрь. Примерно через час на дороге послышался топот приближающегося множества копыт и скрип колес огромных фургонов – «биндюг».

Ловко проскользнув между фургонами, всадниками и пешими, они вошли в город. Похоже, их опасения и, как следствие, долгое ожидание возле стен были напрасными. Стража абсолютно не обращала внимания на караван, на телеги и на людей, беспрепятственно проходящих через ворота и разбредающих по узким улочкам.

На всякий случай они спешили и повели лошадей в поводу.

На первый взгляд столица княжества ничем не отличалась от того, что они видели в других городах: те же домишки, стоящие вплотную друг к другу, те же узкие улочки, по которым с самого утра сновал туда-сюда городской люд. Судя по всему, его сюда привлекали дешевые кабаки и веселые дома, от грязных замызганных вывесок которых буквально пестрело в глазах.

(Или, что вернее, они забрели в соответствующий квартал.)

Вид аборигенов говорил, что они не бедствуют, в воздухе витал дух достатка и уверенности. Даже представители городского дня выглядели куда сытнее, чем их собратья в том же Корге.

И это было вполне объяснимо, ибо княжество это было богаче иного королевства.

Причиной была, конечно, не особая любовь богов к местной династии Эгиров – кстати, по происхождению не темийской, а геркосийской, ведущей родословие от степных владык старины. Все дело было в немалых деньгах, что приносили местным владыкам горные промыслы.

Нет, в Темии не было ни золотых, ни серебряных рудников, тут не имелось рубинов с изумрудами. Подданные князей Эгиров добывали дешевые самоцветные камни – бирюзу, малахит, лазурит с нефритом. Но в том-то и дело, что куда больше, чем покупателей изумрудных и рубиновых колец, тех, кто может себе позволить колечко с сердоликом или порадовать любимую малахитовыми бусами.

Кроме того, темийские гончары прославились своей посудой едва ли не на половину Логрии. Тут она была весьма дешевая и прочная, ибо на обжиг не жалели топлива – печи обжигальщики топили горным углем, который выкапывали из неглубоко залегающих пластов. Мастера делали из местной белой глины посуду, мало уступающую изредка попадающей в Логрию белоснежной звонкой посуде с далекого востока – почти мифических Хатая и Ксан-Чан. Именно тут первыми научились делать фаянс, и до сих пор местный фаянс был лучше того, что лепили подражатели в других местах. А местная черепица славилась красотой и качеством.

Вдобавок именно в Темии было единственное по эту сторону Рихея крупное месторождение наждачного камня, как известно, незаменимого для оружейников, кузнецов и ювелиров. Так что сие не очень большое княжество не бедствовало.

Понятно, что доходами с рудников, копей и гончарен знать и хозяева не очень-то делились с простолюдными. Но этот источник дохода исправно наполнял казну и давал возможность не гнуть подданных налогами, мудро ограничиваясь одной шкурой там, где другие сдирали семь.

Проплутав еще какое-то время по закоулкам, улочкам и подворотням, они вышли на площадь – и чуть не открыли рты от удивления.

Никогда прежде Торнан не видел таких роскошных дворцов. Над оградой розового кирпича возвышался пятиэтажный фасад, выложенный разноцветными изразцами и белым полированным – аж глазам больно – мрамором. Башенки, лепнина, колоннады, портики...

Полюбовавшись, они двинулись дальше и через полчаса наткнулись на гостиницу. Надпись на вывеске гласила: «Семеро козлят».

– Интересно, кого это они козлят? – простодушно спросил Чикко.

– Кто? – удивился Торнан.

– Семеро. Кого они козлят, что-то не пойму?

Соль шутки до Торнана не дошла. Зато ее вполне оценила амазонка.

– Ты от своих воровских шуточек-то отвыкай, – посоветовала Марисса. – В приличные люди выйти собираешься.

Бросив поводья конюху, они вошли внутрь. Внутри постоялый двор оказался на вид весьма приличным, так что фомор даже забеспокоился:

– Слушай, а у нас денег-то хватит?

– Должно... – нашарив тяжелый кошель, успокоил его Торнан. – Если не покупать все заведение вместе с хозяином.

Помянутый всеу хозяин, немолодой сырой толстяк, высунувшийся в холл, недоверчиво осмотрел трех путников, изучая их запыленную одежду. При виде пригоршни монет, со звоном грянувших о стойку, он, однако, превратился в само радушие. Комната нашлась моментально, причем большая, уютная и с видом на площадь. Приятные запахи, долетавшие с кухни, сразу возбудили аппетит. Вследствие чего ближайший час гости провели за столом, отдавая дань мастерству здешнего кухаря. Нет, они и в дороге, ясное дело, не голодали. Однако разве может сравниться вяленое мясо и похлебка из дичи с горячей, только что приготовленной искусным поваром бараньей печенкой, а сухари – с нежным молодым сыром?

Увлечшись поглощением снеди, они и не заметили, как чувство легкого голода ушло, уступив место тяжести в желудке и легкой сонливости. С трудом оторвавшись от скамьи, они пошли туда, куда вели ноги: в номер, где растянулись на койках.

Марисса, пользуясь случаем, поведала историю местного правителя. К концу рассказа Торнан уже заметно меньше завидовал ныне правящему князю Бэлиргэру X. Лет двадцать с чем-то назад князь Темийский не имел оснований жаловаться на жизнь – богатое и сильное княжество, отсутствие войн и смут, богатство, обширное семейство – три сына и пять дочерей. Но, как известно, боги и демоны бывают мстительны и завистливы (если это, конечно, не Тиамат Всеблагая и не Дий Вседержитель), и радость жалких смертных вызывает у них раздражение и злобу. В княжестве возникло моровое поветрие. Не чума и не холера, и уж тем паче не гнойная горячка. Так, лихорадка, от которой умирала лишь половина заболевших. И возникла-то она лишь в столице и двух ближних провинциях. И продлилась недолго. И жатву собрала не такую большую. Но вот только среди умерших оказались дети князя и все его внуки. А спустя полгода и супруга Бэлиргэра покинула сей мир, не перенеся смерти родных... Тут не обошлось без слухов – говорили о древнем проклятии, о совращенной и покинутой им в молодости ведьме и о храме невообразимой старины, раскопанном при проходке шахты личных рудников князя, с какими-то ужасными идолами и угрожающими надписями.

Но так или иначе, а Бэлиргэр остался на старости лет один-одинешенек. Князь горевал ровно год, но потом возобладало чувство долга, без которого правитель не правитель. Нужно было дать стране наследника, дабы избежать смут и войн по смерти уже немолодого государя. Он женился снова – на молодой вдове какого-то незнатного дворянина, все достоинство которой заключалось в наличии двух детей и доказанном тем самым умении рожать.

Спустя три года в новой княжеской семье на свет появилась девочка, получившая имя Когита – в честь младшей и самой любимой дочери Великой Богини. Злые языки поговаривали, что для получения результата престарелому князю пришлось прибегнуть не только к помощи магов и лекарей, но и кого-то из придворных. Но слухи продолжения не имели. Тем более что появился другой (и куда более печальный) повод для всяких разговоров: во время прогулки в горах сорвалась в пропасть вместе с взбесившейся лошадей княгиня Тоэсти – мать наследницы.

Одни вспомнили о проклятье, тяготеющем будто бы над Бэлиргэром. Другие перешептывались по углам, что княгиня, дескать, что-то такое узнала – какую-то ужасную тайну, из-за чего князь и принял меры... Не без страха ждали новых несчастий для правящего дома. Но все как будто на этом закончилось.

Ныне девятнадцатилетняя принцесса Когита является едва ли не самой завидной невестой по эту сторону Рихея. Пока, однако, ее отец не сделал выбора, повинуясь просьбам дочери, замуж, понятно, не рвущейся. Но долго сие продолжаться не может – князю под восемьдесят, и он не раз говорил, что не желает умирать, не обеспечив будущего княжества и дочери, не увидев внуков.

Выслушав рассказ, они вздремнули немножко, а потом отправились на раскинувшуюся неподалеку ярмарку. Шум, гам, выкрики зазывал...

У полосатой палатки толстопузый человек в красной рубахе, размахивая руками, вопил, стараясь перекричать гомон толпы:

– Спешите увидеть – чудо неслыханное прежде в славном городе Истар! Всего за одну монету! Женщина с бородой! Клянусь, вы такого не видели! Женщина, в которой течет кровь древних гномьих королей, властелинов Синего Хребта и Рихея! Спешите увидеть – последний отпрыск на древе дворфских монархов!...

– Так это он дворфов гнумами обозвал, что ли? – с легким недоумением произнесла Марисса.

– Нет, – буркнул под нос Чикко. – Это ты цфергов дворфами обозвала только что...

– Спешите увидеть! – продолжал зазывала. – Именно так выглядели женщины сгинувшего народа подгорных карлов, правивших Рихейскими горами! Всего одна иска!

– Не хочешь взглянуть? – подначил Торнан приятеля.

– Да ну тебя, – пожал плечами Чикко. – На такое страшило посмотришь – месяц и к нормальным женщинам подходить не захочешь! Да и наверняка борода приклеена – знаем мы этих шутов базарных...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.